Дочь императора

Автор:
Альфред де Бре

Дочь императора

Альфред де Бре

Исторический роман из времен крестьянской войны.

Альфред де Бре

Дочь императора

Альфред де Бре, Дочь императора, исторический роман. Перевод с немецкого, С.-Петербург, 1867 г. (Переводы отдельных иностранных романов, издаваемых Н.С. Львовым; Кн. 1. 1867).

* * *

Пролог

Недалеко от городка Вейнсберга и замка того же имени, путешественник, на пути в северную Германию, замечал старинный, прочно укрепленный замок, обнесенный широкими рвами.

То был замок Риттмарк.

В течение нескольких столетий Канелли, владетели Дисгейма и Виддерна, бароны Риттмарка, совершенно основательно считались богатой и могущественной фамилией в окрестностях.

Наш рассказ начинается в 1509 году, когда величие Канеллей существовало только в воспоминании некоторых стариков.

Три последние владетеля Риттмарка, игроки и гуляки, растратили все это состояние. Нынешний барон, Адольф фон Риттмарк, единственный жалкий потомок благородного рода, владел одним только замком.

Однако его двоюродная сестра, прекрасная Эдвига фон Моргейм, на которой он женился в 1503 году, принесла ему хорошее приданое, но барон умудрился вместить в себя все пороки своего отца и деда, и не замедлил спустить все состояние жены в руки ростовщиков, уже успевших поглотить его наследственное имущество.

Вспыльчивый, ревнивый и грубый, он составлял несчастье своей жены. Впрочем, никто не слыхал, чтобы баронесса жаловалась на мужа. Ее единственная поверенная, старая тетка ее, госпожа фон Шторр, Давала ей по временам у себя убежище, когда насилие и оргии барона принуждали ее удаляться из Риттмарка. Эдвига ездила к ней кроме того гостить, когда муж ее отправлялся в одну из тех продолжительных экспедиций, которые предпринимались тогдашними владетелями на службе ленному государю или для частной расправы между собой, или, наконец, что бывало всего чаще, для того, чтобы, под самым ничтожным предлогом, пограбить богатых нюренбергских или кельнских купцов.

В 1506 году эта старая родственница перешла в вечность на руках баронессы. Несмотря на смерть тетки, Эдвига, вместо того, чтобы вернуться в Риттмарк, провела несколько месяцев в замке госпожи фон Шторр. Тем временем барон участвовал во всех кутежах разгульного герцога Ульриха Вюртембергского и своими пороками приобрел его расположение.

Насчет отлучек барона ходили разные слухи, и, надо сознаться, ни один из них не был ему благоприятен. Дворяне, горожане, крестьяне – все соседи заодно ненавидели и презирали его. Прозвища Адольфа Красного, Риттмаркского Волка, которыми обыкновенно частили его во всем околотке, достаточно доказывали

общую к нему ненависть.

После продолжительного пребывания в замке тетки, Эдвига была почти постоянно больна. Печальная жизнь, которую она вела в Риттмарке, конечно, усиливала ее болезнь, и вскоре она была не в состоянии выходить из замка.

Страдая изнурительной лихорадкой и терзаемая заботами, которые положили слишком яркую печать на ее исхудалое лицо, она таяла со дня на день. Врачей она не пускала к себе. Постоянно сидя в своей комнате, она никого не принимала, кроме бедняков, для которых она была провидением, и которые пользовались отсутствием барона, чтобы посещать свою покровительницу.

В мрачный и печальный январский день 1509 года баронесса сидела в большом кресле перед огромным камином своей комнаты и с лихорадочным вниманием слушала своего пажа, Филиппа Гартмана.

Это был молодой человек лет пятнадцати. По его небольшому росту и нежным чертам лица его можно было принять за двенадцатилетнего ребенка.

Филипп держал под мышкой что-то вроде плаща и суконный картуз, как носили тогда крестьяне. Но обе эти вещи были тщательно свернуты, чтобы нельзя было разобрать, что это такое.

Паж, вероятно, бежал, потому что с трудом переводил дух, и пот струился по его лбу.

– Быть может, он не заметил тебя, Филипп, – сказала баронесса слабым голосом, так что ее едва можно было расслышать.

– Это невозможно, сударыня, – отвечал паж. – По вашему приказанию, я надел крестьянское платье сверх своего казакина и стал на перекрестке под большим вязом. Как же этот кавалер, которого вы ждете, мог бы проехать в двух шагах от меня, не заметив меня?

– Боже мой, Боже мой! – промолвила Эдвига, сжимая обеими руками свою горячую голову. – А Фриц мне клялся, что передал Герарду мое письмо и перстень… Фриц не вернулся? – спросила она, возвысив голос.

– Нет, сударыня!

– Странно… Неужели он меня обманул?.. Он, старый слуга моего семейства, человек, которому я вполне доверилась! Нет, быть не может!

«Однако, если Герард не идет на мой настоятельный зов, – продолжала она про себя, – он, значит, не получил моего письма. Мне теперь помнится, что Фриц смешался, что ему стало как будто совестно, когда я его расспрашивала!.. Я хочу знать правду, во что бы то ни стало… Но кого послать?..»

– Филипп, – заговорила она снова после минутного молчания, – ты мне предан?

– Всей душой! – отвечал он восторженно.

– Ну, так завтра я дам тебе важное поручение, от которого зависят, быть может, моя честь и жизнь… Ты меня не выдашь?

– Я охотно отдал бы жизнь, чтобы отвратить от вас малейшее огорчение, добрая госпожа, – проговорил он взволнованным голосом.

– Знаю я это, Филипп. Завтра я тебе объясню… но сегодня вечером… не смотря на все, я еще надеюсь… Зачем ты ушел с перекрестка?

– Баронесса, вы приказали мне оставаться там только до пятого часа.

– А пробило шесть: ты прав.

– К тому же…

– Ну?

– Вполне ли вы уверены, что барона нет дома?

– Он сказал мне, что поедет к своему другу Талакеру, чтобы попытаться вместе сделать нападение на нюренбергцев. Разве ты не видел, что он уехал на той неделе со своими людьми?

– Видел, сударыня; а между тем… боюсь я, что он где-нибудь поблизости.

– Почему тебе так думается?

– Крестьянин, которого я расспрашивал, сказал мне, что он видел человек двенадцать ландскнехтов под предводительством какого-то великана: это, наверное, разбойник Кернер, которого барон недавно взял к себе на службу.

– Где же этот крестьянин встретил их?

– Сегодня утром, в девять часов, на опушке леса.

– Они ехали к замку или от него?

– Они углублялись в лес.

– По направлению к перекрестку?

– Да, сударыня.

– Господи, Господи! – вскричала несчастная баронесса, с отчаянием ломая руки. – Это верно засада!

– Боюсь, что так, сударыня… тем более, что раза два или три мне невдалеке слышались звуки, похожие на звяканье оружия.

– Но ты только это и слышал, не правда ли? Криков, борьбы не было слышно?

– Нет, сударыня; если эта засада была устроена против кавалера, которого вы ожидаете, то она не удалась, потому что он не проезжал.

– О, теперь я благодарю Бога за это!

– Сейчас, когда я возвращался в замок, – продолжал паж, – собака выскочила из леса и бросилась ко мне. Это был Блиц, любимая борзая барона. Сегодня утром егерь, старик Вилькен, взял Блица с собой на объезд. Вдруг собака с радостным

лаем кинулась в чащу. Напрасно старик звал его, – Блиц не вернулся.

– Привел ты его в замок?

– Нет, сударыня, он опять убежал в лес. Есть только один человек, для которого Блиц может покинуть меня и Вилькена, – это господин барон.

– Господи, сохрани и помилуй нас! – прошептала Эдвига, вздрагивая.

Наступило минутное молчание.

– Поди спроси, вернулась ли Агнеса? – сказала наконец баронесса.

Агнеса была ее любимая служанка; она нянчила ее со дня рождения и никогда не расставалась с ней.

Паж вышел и поспешно вернулся.

– Ну что? – спросила баронесса.

– Агнеса не возвращалась, – отвечал он, – и никто не знает, где она пропадает с нынешнего утра.

Баронесса в отчаянии ломала руки.

– Агнеса не могла добровольно бросить меня. Дай Бог, чтобы ее не погубила привязанность ко мне!.. Что делать, Господи, что же делать? – пробормотала она с тоской.

Она остановила на паже тоскливый взгляд, как бы решаясь доверить ему какую-то тайну. Крупные слезы блистали на глазах молодого человека.

Честность и почтительная преданность, выражавшаяся на его лице, успокоили бы самую недоверчивую душу.

Баронесса подозвала его ближе к своему креслу. Он повиновался.

– Ближе, – шепнула она. – Теперь слушай, что я тебе скажу на ухо. Я доверю тебе тайну, которую знает только один человек в мире, и от которой, как я уже сказала тебе, зависит моя честь и жизнь. Поклянись мне, что свято сохранишь ее.

– Клянусь, моя добрая госпожа.

– Спасением души твоей?

– Да!

– Хорошо. Возьми этот ключ; им ты отворишь дверь комнаты, которая в конце этого коридора, как раз возле маленькой лесенки, ведущей к калитке. Понимаешь?

– Да, сударыня; это та дверь, на которой гвоздями выведен крест?

– Так. На другом конце этой пустой комнаты ты найдешь другую дверь; стукни в нее сначала два раза, потом, после небольшой остановки еще три раза. Всего пять раз… Тебя спросят: кто там? Ты ответишь: да сохранит Бог сирот! Тебе отворят. Тогда ты увидишь женщину, крестьянку; потом, потом… ребенка, девочку лет трех… Ты скажешь этой женщине, – ее зовут Мартой… Ты скажешь ей, что пришел за ней от меня, и приведешь их сюда. В эту пору в коридоре никого не бывает, и я надеюсь, что вы никого не встретите. А все-таки скажи ей, чтобы она хорошенько укрыла ребенка платком… Ты меня понял, Филипп? – прибавила она, остановив на лице молодого человека свои большие глаза, ввалившиеся от бессонницы и страдания.

– Да, баронесса.

– Иди же скорее, мой друг, и да сохранит тебя Бог!

Как только он затворил за собой дверь, баронесса подошла или, скорее, дотащилась до своей образницы, стоявшей возле ее кресла, и стала усердно и горячо молиться.

Тем временем Филипп осторожно шел по темному коридору, который вел к лестнице близ калитки.

Когда он проходил мимо комнаты Агнесы, горничной баронессы, ему почудилось, что кто-то там зашевелился. Он остановился, прислушался, но все было тихо.

– В этом старом замке, – проворчал он, – благодаря ветру, крысам и треску полов всегда кажется, что кто-то ходит.

Однако, из предосторожности, он посмотрел в замочную скважину; но в комнате никого не было видно.

– Ошибся, – сказал он и пошел дальше.

Едва он скрылся за первым поворотом коридора, как дверь Агнесиной комнаты осторожно отворилась; молодой человек, несколько старше Филиппа и одетый в такое же платье, выставил голову. Успокоенный тем, что кругом все было тихо, он вышел, затворил дверь так же осторожно, как отворил ее, и пошел за Филиппом. Он, очевидно, хотел подсмотреть, куда он идет.

Дойдя до конца коридора, он с минуту постоял в нерешимости. Потом, предполагая, что Филипп, вероятно, должен был выйти через калитку, он спустился по лестнице, которая вела к ней.

Когда он хотел отворить калитку, выходившую в поле, ему послышалось щелканье ключа в замке. Он быстро поднялся наверх. Солнце садилось, и наступающие сумерки сгущали мрак и в темном коридоре. Только кое-где слуховые окна пропускали слабые лучи света, которые, подобно потухающей лампе, освещали очень небольшое пространство.

Паж барона, Георг Мансбург, надеялся вернуться в коридор вовремя, чтобы увидеть, кого караулил, в ту минуту, когда они стали бы проходить мимо одного из слуховых окон, но он опоздал. Однако, когда Филипп отворял дверь комнаты баронессы, волна света хлынула на молодого пажа и его спутницу.

Георг сделал радостный жест и убежал. Он сбежал с лестницы и вышел через калитку, которая вела к окнам замка.

Во время кратковременного отсутствия Филиппа баронесса писала с лихорадочной торопливостью.

Эдвига рванулась к женщине, которую ввел Филипп, но была так слаба, что опять упала в кресло.

– Филипп, входи скорее. Сядь там, Марта… возле огня… согрей несчастного ребенка… Не бойся ничего со стороны Филиппа Гартмана, – сказала она, видя беспокойный взгляд, устремленный крестьянкой на пажа. – У него благородное сердце, и он скорее расстанется с жизнью, чем выдаст нас.

Говоря таким образом, она подала руку пажу, который поднес ее к губам.

– Филипп, – сказала она ему, – я думала о том, что ты мне сейчас сказал. Я тоже боюсь, чтобы барон не поймал нас как-нибудь. Будь настороже и предупреди меня, если увидишь, что он возвращается.

Филипп поклонился и пошел к двери.

– Постой, – сказала баронесса поспешно. – Вели оседлать лошадь… самую смирную… того белого иноходца… нет, это будет слишком заметно… другую… Потом еще лошадь для тебя… Стой и дожидайся с ними около башни… калитки… Накинь свой крестьянский плащ, чтобы тебя не узнали. Сейчас Марта пойдет за тобой; ты свезешь ее, куда она тебе скажет. Она тебе объяснит это дорогой. Ступай и торопись, потому что время дорого.

Филипп ушел. Едва он успел затворить дверь, Эдвига быстро повернулась к крестьянке.

– Дай мне ребенка, – проговорила она, – дай, я его поцелую… вероятно… в последний раз.

Марта откинула плащ, которым до сих пор запахивалась, несмотря на слова баронессы, и положила на колени Эдвиги прелестное дитя, девочку лет трех.

Ребенок спал. Длинные ресницы спускались на ее розовые щечки. С ее головки, наклоненной на руках Эдвиги, свешивались, как золотая бахрома, длинные,

светлые локоны.

Легкое и ровное дыхание поднимало ее грудку. Ее маленькая, беленькая и пухлая ручонка, с розовыми ноготками и крошечными ямочками, так и напрашивалась на материнские поцелуи.

Баронесса несколько минут смотрела с глубоким восторгом на ребенка, который улыбался во сне.

– Дитя мое, моя дочка, моя крошка, Маргарита! – говорила она шепотом.

Потом, не совладав со своим желанием обнять ребенка, она прижала его к сердцу и осыпала поцелуями и слезами.

Маргарита полуоткрыла свои большие голубые глаза и, с той невыразимой грацией движений, которой Бог одарил детей, стала протирать их своими маленькими ручонками.

– Дочка моя, дорогое дитя мое! – повторила баронесса.

Удивленная видом незнакомой особы и, вероятно, испуганная страстностью ее поцелуев, Маргарита оттолкнула баронессу и потянулась ручонками к кормилице.

– Мама, – заговорила она жалобным голосом, – мама!

Эдвига попыталась удержать и успокоить ее, но дитя все откидывалось назад и звало Марту. Видя, что девочка готова закричать, она поспешила взять ее к себе.

– Это справедливо, – пробормотала Эдвига, глядя на Марту с грустной ревностью. – Ты ее кормила, тебя она любит и зовет матерью; а меня… меня она даже не знает… О, Господи! ты знаешь, мне больше не суждено видеть ее, – дай же, чтобы хоть раз, хоть перед смертью, я услыхала от нее дорогое имя матери!..

Под влиянием одного из трех чувств, которых не чужды самые великодушные сердца, Марта ощутила эгоистическую радость при виде наивных изъявлений привязанности и предпочтения, которые оказывал ей ребенок, вскормленный ее молоком. Но горе баронессы пробудило в ней угрызение, и на глазах ее навернулись слезы.

– Маргарита, – шепнула она ребенку, который обеими ручонками охватил шею кормилицы и прильнул щекой к ее лиц, – Маргарита, эта дама твоя мама.

Дитя покачало головкой в знак несогласия.

– Ты моя мама, – промолвила она, обнимая крестьянку.

– И эта барыня тоже твоя мама.

Малютка покачала головой.

Баронессы закрыла лицо обеими руками и горько заплакала.

Маргарита смотрела на нее робко и с состраданием.

– Посмотри, как барыня огорчена, – сказала ей Марта, – посмотри, как она плачет: это ты ее опечалила. Пойди, обними ее и назови мамой, и ты увидишь, как она обрадуется.

Девочка не решалась. Рыдания баронессы заставили ее решиться. Она тихонько подошла к Эдвиге, потом, употребив все усилия, чтобы отнять руки баронессы от ее лица, она сказала ей взволнованным голосом.

– Не плач, барыня… Я буду обнимать тебя, сколько хочешь, и стану звать тебя мамой.

При этих наивных словах, при этих нежных и робких ласках, сердце несчастной женщины дрогнуло от глубокой радости. Она подняла Маргариту на руки, посадила ее на колени и осыпала поцелуями.

В первую минуту малютка немного испугалась и с беспокойством оглянулась на кормилицу; но глубокая нежность, зазвучавшая в голосе Эдвиги, скоро успокоила ее.

Она взяла платок баронессы и стала вытирать ей глаза одной рукой, а другой ласково гладила ее щеки и волосы.

Теперь не надо плакать, – сказала она, – потому что я делаю по твоему, мама.

Обрадованная тем счастьем, которое озарило лицо баронессы, она повторила слово «мама» пять или шесть раз.

– Да благословит, да вознаградит тебя Бог, дорогая моя дочка! – промолвила несчастная женщина, притерпевшаяся горю и изнемогавшая под тяжестью этого опьяняющего волнения радости.

В эту минуту по мощеному двору раздался конский топот.

– Пресвятая Богородица, спаси и помилуй нас! – сказала Эдвига. – Я забыла, какая опасность нам угрожает… Марта, надо бежать с ребенком, бежать, как можно скорее… Ты была права. Люди, приходившие наводить справки о том, что тут делается, были, вероятно, присланы бароном. Как он узнал о существовании этого ребенка – Бог знает!.. Но он что-то подозревает. Он верно подстерегает нас!

– Святая Марта, моя покровительница, помилуй нас! – проговорила кормилица. – Что станется с ребенком? Господин, которому я должна была сдать ее, который должен был защищать ее…

– Увы, – сказала баронесса, – он не придет. Дай Бог, чтобы он сам избег засады! О, мой благородный и храбрый Герард! Как страшно подумать, что в эту минуту ты, быть может, умираешь под ударами убийцы, и что я своей неосторожностью была причиной твоей смерти!

– Сударыня, время идет, и господин барон может вернуться, – сказала Марта, дрожавшая всем телом и от души желавшая быть подальше от замка.

– Это правда, – отвечала Эдвига. – Моя бедная голова идет кругом… Минутами мне кажется, что я схожу с ума… Слушай хорошенько… У меня была подруга детства, Матильда фон Реверс, теперешняя баронесса фон Гейерсберг. Она живет в нескольких милях отсюда, около Гейльброна. Мы любили друг друга, как сестры… Мы давно не виделись, но это ничего не значит… Я к ней писала и поручила ей Маргариту. Я окончу письмо… Как только я допишу его, ты пойдешь к Филиппу, который повезет тебя в замок Гейерсберг… Дай мне поцеловать ее еще раз, – прибавила она, удерживая Маргариту, которую Марта хотела взять к себе.

Она поцеловала ребенка и снова принялась писать.

– Баронесса фон Гейерсберг святая и чистая душа, – сказала она, продолжая писать. – Она вдова и свободна в своих поступках; она не откажет исполнить завещания своего умирающего друга… Помоги мне встать.

Опираясь на руку кормилицы, она дотащилась до маленького столика, стоявшего в углу комнаты. Она отперла один из ящиков ключом, который носила на шее, достала два запечатанных свертка, положила их с тремя написанными письмами, в большой общий пакет и заботливо запечатала его четырьмя печатями, завязав двойным шелковым шнурком.

– Отдай это письмо баронессе фон Гейерсберг, – сказала она. – Если Матильда согласится оставить Маргариту у себя и тайно воспитывать ее, то я желала бы, чтобы моя дочь узнала тайну своего рождения не раньше 18 лет. В эти годы она будет уже развитой девушкой и, чтобы ни предложил ей отец, она сумеет выбрать, и…

– Послушайте, – вдруг перебила ее Марта.

– По коридору идут, – прошептала баронесса.

– Шаги вооруженного человека… Может быть, сам барон!..

– Он! Боже мой, Боже мой!

Марта бросилась было к двери.

– Нет, нет, – сказала баронесса, хватая ее за руку. – Теперь поздно бежать. Спрячься!

– Куда же, сударыня?

– Сюда, – сказала баронесса, указывая ей на занавес огромной кровати, стоявшей по тогдашнему обычаю среди комнаты на возвышении. – Спрячься в складках этого занавеса.

– Мама, мама, мне страшно, – заговорила девочка, испуганная слезами и ужасом кормилицы и готовая расплакаться сама.

– Молчи, дитятко, Бога ради, молчи! – сказала Марта, кутая дитя в плащ.

Едва кормилица успела завернуться в широкие складки тяжелого шелкового занавеса, как мощная рука сильно потрясла дверь.

– Кто там? – спросила Эдвига.

– Черт возьми! Вы знаете кто, сударыня, – отвечал грубый и нетерпеливый голос барона. – Отворяйте!

Она еще раз взглянула на кровать, чтобы убедиться хорошо ли спряталась Марта, потом отворила дверь.

Фон Риттмарк вошел так стремительно, что чуть не сбил Эдвигу с ног.

– Где эта женщина? – спросил он, озирая комнату пытливым взглядом. – Не корчите из себя невинность, я говорю о той женщине, которую сейчас привел сюда ваш проклятый паж: его я задеру до смерти.

– Вы, кажется, видите, что я одна.

– Советую не шутить моим терпением, сударыня. Здесь у вас женщина… и ребенок.

– Ребенок? – повторила баронесса, притворяясь удивленной.

– Да, ребенок, ваша дочь, если хотите знать… Вы видите – я все знаю. Не бесите же меня ложью!

Он оттолкнул баронессу, которая стояла перед ним, и быстро обошел комнату, страшно ругаясь.

– Будь они прокляты, чертовы дети! – вскричал барон, взбешенный бесконечными поисками. – Куда запропастилась эта баба? Если она сейчас не выйдет, я клянусь ободрать ее живьем… Скажете ли вы мне наконец, где она? – крикнул он, схватив баронессу за руку, и так сильно, что она вскрикнула от боли.

– Мне больно, – промолвила она.

Он, не отвечая, выпустил руку бедной женщины и, снова принявшись за поиски, направился к кровати.

– Нет ли ее в кровати? – проворчал он.

Холодный пот выступил на лбу Эдвиги. Ее дрожащие руки судорожно стиснули ручку кресла так сильно, что сломались ногти.

Риттмарк подошел к постели; он переворошил даже подушки, но забыл заглянуть за занавес.

После минутного колебания он снова подошел к баронессе, ругаясь во всю мочь.

– Посмотрим, не посчастливится ли другим больше, чем мне! – сказал он.

Он отворил дверь в коридор и позвал своего любимого пажа Георга Мансбурга, того самого, который недавно подсматривал в коридоре.

– Георг! Георг! – кричал барон. Ответа не было.

– Георг, чертов сын, придешь ли ты? – продолжал барон.

Молчание продолжалось.

Взбешенный донельзя, барон вышел, оглашая замок перекатами своего хриплого голоса. Едва он успел выйти, как кто-то выскочил из темного угла в коридор, где сидел притаившись. Это был Филипп Гартман. Он бросился в комнату, когда Эдвига хотела быстро захлопнуть дверь.

– Барон вошел с Георгом Мансбургом через калитку, – сказал он. – Этот проклятый изменник привел его сюда. Я узнал о его возвращении, только когда его лошадь привели в конюшню. Я бросился бежать к вам, но было уже поздно.

Пока он говорил это, баронесса помогла Марте и ребенку выйти из-за занавеса, который давил их своей тяжестью.

– Что же теперь делать? – вскричала Эдвига, целуя тихо плачущую Маргариту. – О Боже, Боже, возьми мою жизнь, но спаси этого несчастного ребенка, и я умру, благословляя Тебя!

– Не попытаться ли бежать теперь? – сказала кормилица, направляясь к двери.

– Нет, нет, не сюда! – крикнул Филипп, загораживая ей дорогу. – Барон вернется; он должен быть на том конце коридора, у Георга, которого, вероятно, старается привести в чувство.

– Несчастный! Ты убил его? – вскричала баронесса.

– К сожалению нет, сударыня; хотя хватил, что было силы, но только ошеломил его.

– Несчастный мальчик! Он выдаст тебя. Барон убьет тебя.

Говоря это, Эдвига с отчаянием оглядывалась кругом и искала средства выпроводить Марту и ребенка.

– Георг не видал меня, сударыня; он подбирал ключ к двери на маленькую лесенку и стоял ко мне спиной.

– Как бежать, как бежать? – повторяла баронесса с отчаянием.

Маргарита плакала, кормилица то молилась, то жаловалась.

– Остается только окно, – заметил Филипп.

– Шестьдесят футов высоты! – вскричала Эдвига.

– А веревки на что?

– Где взять такую длинную и крепкую веревку? Наконец, эти окна выходят на рвы, полные водой.

– Будь у меня только веревка! – говорил Филипп, оглядываясь.

– Там сундуки перевязаны, – сказала баронесса, указывая на свою гардеробную.

Филипп сбегал и принес.

– Я ни за что не решусь спуститься по веревке, – проговорила кормилица, выглянув в окно.

– Больше нечего делать, – сказала Эдвига. – Филипп прав: как ни опасно это средство – оно единственное. Барон безжалостно убьет вас обеих, тебя и бедного ребенка.

В эту минуту послышались голоса.

– Боже милостивый, идут! – вскричала баронесса. – Филипп, Филипп, скорей!

Он прибежал с пятью или шестью веревками, связанными одна с другой, и составил довольно длинную веревку, конец которой привязал к железной решетке балкона.

– Отворите же, отворите! – кричал в коридоре бешеный голос Риттмарка.

В то же время он страшно стучал в дверь, то своей железной перчаткой, то рукояткой сабли.

– Прощай, дитя мое, Бог да хранит тебя! – промолвила Эдвига, прильнув губами к ротику маленькой Маргариты.

Марта схватилась за веревку, но когда пришлось стать на балюстраду балкона, у нее не хватило духа.

– Никогда я на это не решусь! – вскричала она в ужасе.

– Бога ради, соберись с силами! – сказала ей баронесса, трепетавшая сама при мысли об этом рискованном предприятии; но еще больше страшилась она для дочери бешенства барона.

– Не могу, сударыня, не могу!

– Попытайся… скорей, скорей!.. Дверь не долго продержится.

Марта опять попробовала, но ее дрожащие руки скользили по веревке.

– Боже, Боже, помилуй нас! – вскричала Эдвига в отчаянии.

– Я спущусь с ребенком, – объявил Филипп решительно. – Посади ее мне на спину, Марта… Обвей ее руки вокруг моей шеи. Опоясай меня и ее веревкой!

Испуганный ребенок тянулся к кормилице и отбивался, как мог.

Но, несмотря на его сопротивление, баронесса привязала его на спину пажа.

– Возьми эти бумаги, Филипп, – сказала она, подавая ему запечатанный пакет, – адрес выставлен на письме. Скажи баронессе Гейерсберг…

В эту минуту дверь дрогнула под ударом топора, и замок почти вылетел вон.

Филипп только что схватился за веревку, как дверь окончательно рухнула от второго удара топора.

При виде барона, ворвавшегося в комнату с мечом в руке, Марта так перепугалась, что вскочила на балкон, схватилась за веревку и спустилась в след за Филиппом.

Чтобы выиграть для их спуска время, Эдвига загородила мужу дорогу. Почти умирающая, она с такой силой уцепилась за него, что он не сразу мог вырваться от нее. Ослепленный яростью, он бешено ударил ее по голове железной перчаткой так, что она упала навзничь с окровавленным лицом.

Освободившись от нее, барон бросился к окну.

– Стреляйте же, стреляйте! – крикнул он своим людям, которые были вооружены пищалями.

Они повиновались.

Раздалось несколько выстрелов, потом, почти одновременно послышалось падение в воду двух тяжелых тел.

– Ага! Попались! – вскричал барон.

И не обращая внимания на жену, которая лежала на полу полумертвая, он бросился к двери коридора.

Между тем, неподалеку от того перекрестка, где Филипп, паж баронессы, простоял так долго настороже, на опушке леса, сидели в засаде человек двенадцать вооруженных. По платью они были ландскнехты, наемные разбойники, которые в то время обыкновенно продавали свои услуги владетельным особам и даже простым дворянам, достаточно богатым, чтобы нанять их.

По-видимому, люди, о которых мы говорим, уже давно оставались без дела, потому что их костюмы были не блистательны. Большинство отличалось суровыми физиономиями, длинными бородами, грубым и диким выражением

лица.

– Черт возьми, капитан! – промолвил один из ландскнехтов, великан, растянувшийся во всю длину на траве. – Маленький паж не возвращается. Сдается мне, что и кавалер, которого мы поджидаем, пожалуй, минует наших рук.

– Будем надеяться, – возразил другой разбойник, Зарнен, который из простых ротных сержантов произвел сам себя в лейтенанты, как Кернер произвел себя в капитаны. – Со стороны этого кавалера было бы очень нехорошо заставить нас прождать почти четыре часа и отнять у нас небольшую награду, которую нам обещали за убийство его.

– Ведь бывают же, подумаешь, – промолвил другой, – такие бессовестные люди!

– Молчите, – сказал капитан, подумав. – Посмотрим, кто из вас всех меньше?

Ландскнехты переглянулись с удивлением.

– Кто из нас всех меньше? – проворчал Зарнен.

– Ну да, треклятая скотина! – продолжал капитан тем приветливым тоном, которым отличалось тогдашнее воинство.

– Конечно всех меньше Крамер! – крикнули два или три голоса.

– Черт возьми, а ведь правда, – сказал Кернер. – Эй, Крамер!

На этот приветливый зов к капитану подошел молодой человек очень маленького роста, но его широкие плечи обличали в нем необыкновенную силу.

– Сними с себя кирасу и шлем, – сказал ему капитан.

– Зачем?

– Слушайся и молчи.

– Порцгейм, ты дашь Крамеру плащ, что вчера отнял у нюренбергского купца; под ним, Крамер, твой буйволовый казакин будет не заметен. Теперь стань туда, где стоял паж, и стой по возможности в тени. Сядь там! Понимаешь? Если кавалер, которого мы ждем, наконец явится, он примет тебя за высланного к нему проводника и спросит тебя: «Где путь верному рыцарю?». Повтори за мной.

– Где путь верному рыцарю, – повторил разбойник.

– Так. А ты отвечай ему: «Я готов вести его, куда зовет его судьба». Отвечая таким образом кавалеру, подойди к нему поближе, будто хочешь говорить с ним, схвати лошадь под уздцы и свистни. Тогда мы бросимся на него.

– Гм, гм, – промычал Крамер.

– Ну, чего?

– А если он убьет меня прежде, чем вы успеете подойти?

– Разве ты боишься?..

– Нет, я только не доверяю товарищам.

– Осел! Неужели ты не понимаешь, что если мы дадим ему время убить тебя, то ведь он успеет и улизнуть? Неужели ты думаешь, что мы захотим потерять деньги, обещанные за его жизнь?

– Правда, – сказал Крамер, успокоенный этим доводом.

Он взял у товарища плащ и пошел на место, назначенное ему капитаном, который опять растянулся на траве у опушки леса.

– Теперь, ребята, – сказал он, – постарайтесь не шуметь; первый, кто заговорит без нужды, познакомится с наконечником моей шпаги.

Через несколько минут послышался быстрый галоп лошади.

– Это должно быть паж, – проворчал Кернер. – Слушайте, ребята!

Вскоре всадник выехал на поляну, где расходились четыре дороги. Он ехал на превосходной лошади, которая казалась очень усталой и была покрыта грязью.

На нем был кожаный казакин и кольчуга. У седла висел шлем и длинный меч – оружие, которым не следовало пренебрегать в то время, когда путешественники всегда могли наткнуться на неприятную встречу. Голова и лицо его были до половины закрыты суконным капюшоном или колпаком.

Хотя этому человеку было за сорок лет, но с первого взгляда ему едва можно было дать тридцать; он был строен, хотя не высок ростом, движения его отличались быстротой и ловкостью, лицо было живо гордо, умно и смело.

Черты его были изящны, и только слишком большой нос несколько нарушал правильность его лица. Вообще это был статный рыцарь, с воинственным видом и смелым, гордым взглядом.

Увидав мнимого крестьянина, он прямо подъехал к нему.

– Где путь верному рыцарю? – спросил он Крамера голосом, в котором слышалась привычка повелевать.

Отвечая рыцарю по условию, Крамер схватил в то же время узду его лошади и свистнул.

– О, о! – произнес незнакомец, приподнимаясь на стремена. – Уж не ловушка ли это?

В ту же минуту он увидал ландскнехтов, выступавших из леса.

С удивительной ловкостью, которая показывала в нем искусного наездника, он повернул лошадь, схватил Крамера и так вывернул руку, что разбойник, уже ошеломленный крутым поворотом лошади, выпустил узду и упал.

Вместо того, чтобы пытаться ускакать, рыцарь поспешил выхватить меч и надеть шлем. Он не успел затянуть ремни, как ландскнехты напали на него.

Первый, подошедший к незнакомцу, получил удар мечом, разрубивший ему шлем и голову. Другой, вооруженный копьем, старался выбить его из седла; рыцарь снова обернул лошадь, и пока промахнувшийся разбойник старался сохранить равновесие, удар меча, направленный в отверстие лат, повалил его мертвым возле товарища.

В эту минуту все разбойники бросились на незнакомца. Один из них поднял копье убитого и ударил концом его в шишак шлема рыцаря. Последний не успел застегнуть ремень шлема, который от этого удара слетел у него с головы.

Капитан Кернер взмахнул своим огромным мечом и занес его над обнаженной головой своего противника. Но вдруг он вскрикнул от удивления и остановился.

– Стой, ребята, назад! – крикнул он, не спуская глаз с всадника. – Не трогайте этого рыцаря – иначе смерть!

– Как так! – вскричали ландскнехты с весьма понятным удивлением.

– Все назад! – повторил капитан громовым голосом, описывая своим длинным мечом круг и заставляя таким образом ошеломленных разбойников поспешно отступить.

Рыцарь воспользовался этой минутой, чтобы закутаться в капюшон. Когда Кернер, подходя к нему, хотел склонить перед ним колено, он сказал ему шепотом.

– Молчи, не называй меня по имени, не то – берегись. Теперь я для всех просто рыцарь Герард фон Брук. Но я где-то тебя видел?

– При осаде Виченцы. Я полонил тогда капитана неприятельских стрелков.

– Да помню. Тогда ты был храбрый солдат. Как же ты дошел до разбойничества?

– Лейтенант моей роты отбил у меня любовницу… Я их обоих убил… Пришлось бежать. Я собрал нескольких буянов, которые, как и я, не умеют жить в мирное время…

– Понимаю. Как тебя звать?

– Кернер… Отто Кернер.

– Ты меня поджидал со своими ребятами?

– Я подстерегал рыцаря, который должен был сказать крестьянскому мальчику, поджидавшему его тут в кустах: где путь…

– Так и есть, – прервал всадник. – Кто вас сюда поставил?

Кернер колебался отвечать… Рыцарь нахмурил брови и повелительно взглянул на ландскнехта.

– Послушай, – сказал он ему, – я беру тебя к себе на службу. Обещаю тебе прощение и в награду 50 червонцев тебе и твоим людям.

– Может ли быть!..

– Но, прежде всего, я хочу знать правду. Говори.

– Нас поставил сюда барон фон Риттмарк. Незнакомец как будто призадумался.

– Очевидно, барон все знает, – проговорил он про себя. – Что же сталось с его несчастной женой?.. Во чтобы то ни стало, надо ее вырвать из рук этого человека. Дай Бог, чтобы я поспел во время! Кернер!

– Что прикажете?

– Дай шлем!

Капитан, уже державший его в руках, поспешил подать его рыцарю.

– Я еду в замок Риттмарк, – сказал он. – Ты и твои ребята должны идти туда за мной, и как можно скорее… Хитростью или силой – вы должны войти в замок. Вот им, чтобы они торопились.

И он бросил ему кошелек, вид и тяжесть которого очень порадовали капитана.

– Не лучше ли вам подождать нас? – сказал Кернер.

– Каждая минута проволочки может погубить жизнь, которая мне дороже собственной, – отвечал рыцарь. – Только, ради Бога, скорее, скорее!

Сказав это, он пришпорил лошадь и ускакал. Едва он скрылся, как разбойники бросились к своему начальнику и стали его расспрашивать.

– Ребята, – сказал он, – нам некогда терять время на объяснения. Вот что я вам скажу: нам обещали 20 червонцев, если мы убьем этого рыцаря. А в кошельке, который он мне дал, по крайней мере, вдвое больше. Кроме того, он обещает нам еще 50 червонцев.

Взрыв удивления и радости прервал оратора.

– Но, – продолжал капитан, – чтобы благородный рыцарь сдержал свое обещание, надо, чтобы он остался жив; а если мы не поспеем в замок Риттмарк во время, чтобы выручить его – прощай наши 50 червонцев.

Эта речь произвела волшебное действие. Ландскнехты поспешно оправили свою одежду; потом, несмотря на тяжесть своего вооружения, пустились бегом, не заботясь о раненых, оставленных позади.

Тем временем Герард Брук (как он себя назвал) погонял шпорами и голосом своего коня, утомленного долгим путем.

Подъезжая к замку Риттмарку, он услыхал два или три выстрела. Он пришпорил лошадь, проскакал наружный двор и въехал на подъемный мост.

Привратник вышел из своей конурки и пошел ему навстречу.

– Мне надо немедля переговорить с бароном, – сказал рыцарь решительным тоном.

Привратник смотрел на него с недоумением и удивлением; Герард стал искать кошелек, но вспомнил, что отдал его капитану ландскнехтов, быстро сдернул перчатку и снял с кольца широкий, массивный золотой перстень.

– Вот, – сказал он дворнику, – побереги этот перстень; когда я возьму его у тебя, ты получишь от меня полную шапку червонцев.

– Господин, – бормотал тот, изумленный такой щедростью.

– Только с тем, – продолжал рыцарь, – что ты тотчас проведешь меня в комнату твоей госпожи.

Привратник замялся.

– Господин, там сам барон, и я боюсь… я очень боюсь…

– Чего? Да говори же, говори!

– Боюсь, не случилось ли с бедной барыней несчастья, – прошептал он.

– А где ее комната?

– Ступайте с этими людьми, куда они бегут, только не говорите, что я…

Герард кинулся во внутренний двор и взбежал по лестнице за толпившимися, испуганными слугами.

Когда он подходил к двери комнаты, барон поспешно выходил из нее. Он бежал смотреть, найдется ли во рву ребенок, которого спасли от его мщения. Мужчины встретились и сильно толкнули друг друга. Оба покачнулись, но более сильный Герард устоял и тотчас бросился в комнату.

С первого взгляда он увидел Эдвигу, лежавшую на полу и окровавленную.

Он упал на колени возле нее и сжал ее в своих объятиях.

– Эдвига! Эдвига! – вскричал он. – О, проклятье! Я пришел слишком поздно, он убил ее!

Оживленная звуком этого милого, дорогого голоса, несчастная баронесса открыла глаза. Луч радости блеснул на минуту на ее бледном лице, уже подернутом сумраком смерти.

– Герард, – заговорила она, – мой Герард… наша дочь…

Выражение ужаса и отчаяния исказило черты баронессы.

– Барон хочет убить ее, – продолжала она раздирающим голосом. – Спаси ее, Герард! Спаси, спаси наше дитя! О берегись, берегись, – прибавила она вдруг.

При крике, при взгляде Эдвиги, рыцарь быстро повернулся. За ним стоял барон и уже замахнулся на него мечом.

С быстротой мысли Герард кинулся на своего врага. Сшибка была так сильна, что оба вместе упали, но Герард вскочил в одно мгновение.

Приставив конец меча к горлу барона, на котором тоже была надета кольчуга, он закричал громовым голосом слугам, бежавшим на помощь барону:

– Назад! Шелохнитесь только – я убью вашего барина.

Они на минуту замешкались.

Вдруг во внутреннем дворе замка послышалось несколько выстрелов; потом раздалось звяканье мечей и копий, ударявших по кирасам и шлемам.

– На помощь, сюда! – кричали женщины на лестнице.

Часть людей, находившихся в комнате баронессы, бросились в ту сторону. Пользуясь минутной рассеянностью рыцаря, барон рванулся и чуть не повалил Герарда. В ту же минуту на него напали семь или восемь слуг, еще оставшиеся в комнате.

Несмотря на свою храбрость и на замечательное искусство владеть своим длинным мечом, Герард, вероятно, не одолел бы своих многочисленных врагов и не устоял бы против ударов барона, если бы к нему вдруг не подоспело значительное подкрепление.

Ландскнехты ворвались в комнату.

Хорошо вооруженные и привычные к схваткам, они скоро сладили со слугами, удивленными этим неожиданным нападением и не знавшими ни числа, ни замыслов своих врагов.

Сопротивлялись еще только барон и один из его наемников; но последний под тяжелым мечом Кернера скоро свалился, как бык от удара мясника.

Риттмарку предстояла та же участь, но Герард удержал руку капитана.

– С бароном я расправлюсь сам, – сказал рыцарь, снова упав на колени перед холодеющим трупом Эдвиги.

– Подлец и трус, хищник чести, – вскричал барон с бешенством. – Ты не смеешь показать своего лица… Ты нападаешь в шлеме и с опущенным забралом на человека с обнаженной головой!

– Подожди! – прервал рыцарь, быстро снимая шлем и отбрасывая его далеко от себя. – Теперь мы равно вооружены!

Увидав лицо своего противника, барон отступил назад с удивлением. Опустив руку, которой он было замахнулся чтобы нанести удар, он посмотрел на рыцаря с нерешительностью человека, который не верит собственным глазам.

– Защищайся! Защищайся же! – крикнул ему рыцарь. – Для тебя я не более, как Герард Брук, которого ты хотел зарезать, и который отдал бы жизнь свою, чтобы спасти эту несчастную, гнусно убитую тобой женщину.

– Так ступай же за ней! – отвечал барон, ударив рыцаря мечом, но тот не оставил удара без ответа.

Исход схватки недолго оставался в сомнении.

Сильный, проворный, необыкновенно ловкий Герард не давал врагу опомниться. Вскоре кровь барона окрасила его кольчугу. Наконец Герард поразил его мечом в правую ключицу, и он упал замертво возле бедной Эдвиги.

По-видимому, слуги были не особенно преданы барону, потому что никто из них не попытался помочь ему. Только один старик из наемников подошел к Риттмарку, чтобы посмотреть, жив ли он еще, и оказать ему помощь.

С первого же взгляда он понял, что все кончено.

– Надо послать за священником, – сказал он.

К несчастью, в замке священника не было, потому что ни один не мог никогда ужиться с бароном. Послали нарочного в Вейнсберг, ближайший от замка город.

Пока старый воин напрасно старался унять кровь, текшую из раны его господина, Герард стоял на коленях перед безжизненным трупом баронессы. Он взял окоченевшую руку бедной Эдвиги и прижал ее к губам с глубокой тоской. Крупные слезы катились по его мужественному лицу.

Через несколько минут он медленно поднялся и пошел к двери.

– Ступайте за мной, – обратился он к ландскнехтам.

Они молча повиновались.

Он вышел с ними из замка, жители которого поспешили поднять подъемный мост, чтобы предотвратить возвращение страшных посетителей.

Подойдя к наружным воротам, рыцарь подозвал капитана ландскнехтов.

– Как тебя зовут? – спросил он его.

– Кернером.

– Да, помню, ты мне говорил!.. Ну, Кернер, будь через неделю в Аугсбурге. Приходи к Исааку Рейбену. Он тебе выдаст обещанные 50 червонцев. Уведи своих людей как можно дальше отсюда. Понимаешь?.. Я не хочу, чтобы они слишком болтали!

– Гм, – проворчал Кернер, покачивая головой. – Позвольте мне проводить вас до города, – сказал капитан. – Темно, хоть глаза выколи, а дороги опасны для одиноких путников.

– Со мной кинжал и меч, – гордо отвечал незнакомец. – Помни, что я тебе сказал, и прощай!

Через несколько секунд он исчез во мраке.

Часть первая

I

Если бы мещане, подобно дворянам, вели родословные, Яков Рорбах, трактирщик, мог бы потягаться древностью рода с самыми знаменитыми фамилиями своей страны.

Пятнадцать лет по смерти барона и баронессы Риттмарк, стало быть, в 1524 году, представителем этой трактирной династии был рослый и красивый парень двадцати четырех лет, которого при крещении назвали Яковом, но все звали Иеклейном.

Он был последний из Рорбахов. Его мать, достойная и добрая женщина, давно отдала Боту душу. Отец его чуть не умер восемнадцать лет назад от удара и всю жизнь не оправился от этого потрясения. Он только бормотал какие-то бессвязные звуки, и его надо было кормить как маленького ребенка, потому что руки у него отнялись. Рассудок также почти совсем оставил его. Он проводил всю жизнь в большом кресле, которое перекатывали с места на место.

В свое время Антон Рорбах был здоровым работником и человеком сметливым. Его, правда, упрекали в тщеславии и упрямстве; прибавляли также, что он скуп; но ведь кто не безгрешен?

Лучше всего было то, что он имел состояние, очень значительное для простого мещанина, и что трактир приносил ему много денег.

Старик имел одну только слабость – к сыну. Он восхищался им и, несмотря на свою скупость, прощал молодому человеку все его кутежи и мотовство, на которые и самый снисходительный отец взглянул бы строго.

Воспитанный как единственный сын, то есть как баловень, почитаемый отцом и матерью за какое-то высшее существо, обладая блестящей наружностью, льстившей их самолюбию, Иеклейн занимался только удовольствиями, и каких бурных наслаждений требовал этот мощный, кипучий организм!

Отличаясь необыкновенной силой и замечательной ловкостью во всех телесных упражнениях, храбрый и задорный, смелый на словах и на деле, веселый, увлекательный, великодушный и щедрый, он считался верховодом всей окрестной молодежи. Молодежь эта превозносила его до небес. Пожилые люди, напротив, далеко не хвалили его.

– Это мот, – говорили они, – это кутила, хвастун драчун; он сорит деньги отца на кутежи, и уж дождется, что какой-нибудь дворянчик сломит ему шею. Он все кричит против дворянства, и его дерзости отбили от него много посетителей. Он всю жизнь рыскает по ярмаркам и кабакам, и ни мало не заботится о своем доме, который весь лежит на руках его хорошенькой кузины, Марианны, которая столько же добродетельна, как он развратен.

Зато кузину его, Марианну Шонек, все единодушно хвалили.

Рано лишившись родителей, молодая девушка была несчастна с детства, пока баронесса фон Гейерсберг, знавшая ее мать (родную сестру Антона Рорбаха) не взяла сироту к себе.

Целые четыре года она была служанкой или, скорее, подругой воспитанницы баронессы, Маргариты фон Эдельсгейм.

По временам она ходила в гости к своим родным.

Иеклейн, ее двоюродный брат, страстно влюбился в нее и хотел на ней жениться. Но у нее ничего не было, а старик Рорбах замышлял для сына самые тщеславные планы, и ему хотелось не такой невестки.

Он стал противиться браку, и это было несчастьем для Иеклейна; он снова кинулся в безумную жизнь, что сильно встревожило отца.

Когда старого трактирщика хватил паралич, и он стал думать, что пришел его смертный час, опасение за поведение Иеклейна взяло верх над всеми другими соображениями.

Заботы и преданность племянницы, не отходившей от его изголовья, как будто между ними никогда и не бывало никакой размолвки, окончательно склонили упрямого старика. Он не только согласился на брак, но даже потребовал немедленно помолвки, что давало Марианне возможность переселиться в его дом, ухаживать за стариком дядей и управлять «Золотым Солнцем», которым Иеклейн, бывший постоянно в отсутствии, совсем не занимался.

Хотя для такой молодой девушки было очень трудно управлять такой большой гостиницей, однако Марианна согласилась исполнить желание старого трактирщика.

Молодая девушка обожала своего двоюродного брата со всей преданностью, со всеми пленительными грезами первой любви. Чтобы жить с ним, она, бесспорно, приняла бы скромное место простой служанки.

Иеклейн еще любил Марианну, но беспутная жизнь, которую он вел уже столько времени, развратила его сердце. Любовь его уже была не та, что прежде.

Однако он обручился со своей кузиной. Но и приняв это обязательство, он продолжал прежний образ жизни и по-прежнему проводил дни и ночи вне родительского дома.

Марианна, переселившаяся на житье в «Золотое Солнце», часто плакала по причине его частых отлучек. Впрочем, ее снисходительное сердце всегда

подсказывало ей какое-нибудь извинение в пользу жениха.

«Все-таки, – говорила она про себя, – во всем виноват дядюшка. Если же Иеклейн бросился в разгул и мотовство, то только для того, чтобы забыть свое горе, потому что дядя не соглашался на наш брак. В сущности он все еще любит меня, и постепенно весь отдастся мне».

А пока бедняжка выбивалась из сил, чтобы поддерживать гостиницу «Золотого Солнца» на хорошей ноге. Вставая раньше всех, ложась всех позже, она присматривала за всем. Кроме того, она с истинно дочерней нежностью ухаживала за стариком дядей, который превратился в неподвижную массу и издавал только глухие животные возгласы, когда Марианне случалось с четверть часа не подойти к его креслу.

Переселение Марианны в дом дяди очень огорчило Маргариту фон Эдельсгейм, которая нежно любила ее. Марианна часто ходила в гости в замок. Кроме того, когда Маргарита выезжала куда-нибудь с госпожой фон Гейерсберг, она находила возможность устроить дело так, что они останавливались в «Золотом Солнце».

Тогда все в гостинице шло вверх дном. Сам Иеклейн, ненавидевший дворянство, говорил, что безгранично уважает госпожу фон Гейерсберг, которая была покровительницей всех бедняков.

Гостиница «Золотого Солнца», стоявшая на выезде из деревни, по Гейльбронской дороге, помещалась в двухэтажном доме. Внизу была просторная зала, установленная столами и скамьями. Направо были две маленькие комнатки, из которых одна служила кладовой; налево находилась кухня, сообщавшаяся с одной стороны с молочной, а с другой с теплой комнатой, где спали две служанки.

Между входной дверью и большой залой дед Иеклейна устроил что-то вроде сеней с каменными скамьями, на которые крестьяне, купцы и путешественники могли складывать свою ношу перед входом в дом.

Лестница, выходившая на середину большой залы, вела в верхний этаж, который разделялся надвое широкой площадкой. Направо от этой площадки находилась комната, назначенная для путешественников, другая комната, поменьше, и

наконец комната Марианны, в которую вела прикрытая лестница; по этой лестнице молодая девушка могла проходить во двор и в кухню, никого не беспокоя. Комнаты по другую сторону площадки были расположены почти так же, только там не было лестницы.

Шум и гам буйных друзей Иеклейна чуть не выгнали из «Золотого Солнца» миролюбивых мещан, которые уже двадцать лет приходили туда каждый день или, по крайней мере, каждое воскресенье выпить стакан вина или пива.

Но все уладилось, благодаря кротости и примиряющему влиянию Марианны. Только во избежание насмешек молодых гуляк, которые, хлебнув через край, относились ко всему легкомысленно, солидные люди усаживались в маленькой комнатке возле кухни. Некоторые из старых друзей или знакомых Антона помещались перед кухонной печью, возле кресла старика Рорбаха. Но несчастный старик едва узнавал своих лучших друзей и не мог говорить с ними.

В один январский вечер, часов около десяти, в кухне происходили необычайные приготовления. Индейка и дикая коза, насаженные на один вертел, жарились на некотором расстоянии от пламени. Два цыпленка и четыре куропатки лежали на кухонном столе в ожидании минуты, когда им, в свою очередь, придется попасть на огонь. Обе служанки, с раскрасневшимися от жара и работы лицами и руками, суетились друг перед другом в кухне.

Наконец сама Марианна, с обнаженными по локоть руками, месила пирог и своими белыми руками придавала ему окончательную форму.

Лицо Марианны было неправильно, и красавицей ее нельзя было назвать, но все-таки она была прехорошенькая девушка. В ней не было ничего, что могло бы поразить с первого раза. Но зато, всмотревшись в нее, трудно было отвести от нее глаза: столько приветливости было в ее улыбке, столько кротости и нежности в ее карих глазах, столько искренности и миловидности во всей ее наружности. У нее были роскошные белокурые волосы. Все ее кокетство состояло в том, что благодаря урокам Маргариты Эдельсгейм, она носила прическу, более сложную, чем другие девушки Бекингена и Гейльброна.

Конечно, нетрудно было найти женщин красивее Марианны, но вряд ли были грациознее и симпатичнее.

Когда ее двоюродный брат вошел со двора в залу, лицо ее как будто расцвело.

– Наконец-то ты пришел! – промолвила она, остановив на Иеклейне взгляд, полный нежности и наивного восторга. – Откуда ты?

– Из Гейльброна.

– Из Гейльброна? – повторила она, глядя на своего двоюродного брата с выражением, ясно показавшим, что ей хотелось спросить его о причине этого путешествия, и что она не смогла сделать это.

– Посмотри, – сказал он, – что я принес тебе.

Он поставил на кухонный стол корзину, которую держал под мышкой, и стал вынимать сверток с сушеными плодами и сахарными печеньями, которые в то время подавались на церемонных обедах.

– Как это мило! – вскричала она, всплеснув руками. – Как ты это умно придумал!.. Как Маргарите понравятся все эти фигурки! Как мил этот барашек с шерстью из жженого сахара!.. А лошадка…

– Перестань, перестань! – прервал Иеклейн нетерпеливо. – Успеешь рассмотреть. Займись прежде стряпней… Ну где же вертел… Ладно… А куропатки?

– Вот они. Их начнут жарить, когда госпожа Гейерсберг и Маргарита придут.

– Конечно… А кабанье жаркое, которое Вильгельму приказано принести?

– Вильгельм ничего не принес.

– Так надо было послать к нему! – крикнул Иеклейн, ударяя с досады кулаком по столу. – Ведь это любимое блюдо Маргариты.

– Почему ты думаешь?

– Она сама сказала это здесь в прошлом году… Я помню… Я и сказал Вильгельму… О, пес проклятый! Будь я проклят, если при первой встрече не намну ему бока, да так, чтобы он помнил всю жизнь.

– Но Иеклейн, может быть бедный малый вовсе не виноват?

– Виноват, – отвечал он резко, – и ты тоже виновата… Ты видела, что не несут кабана, и не могла послать к Вильгельму.

– Я была так занята, что забыла…

– Забыла то, что приятно Маргарите, которая так добра к тебе. Это не рассеянность, это уже просто неблагодарность.

Никакой упрек не мог быть несправедливее и не мог сильнее оскорбить бедную Марианну. Она обожала госпожу Гейерсберг и любила Маргариту с глубокой, почтительной нежностью. Кроме любви Иеклейна, которая была для нее всем, она охотно пожертвовала бы в случае необходимости даже жизнью, чтобы избавить друга своего детства от какого-нибудь огорчения.

– Ты не прав, Иеклейн, – сказала она со слезами на глазах и в голосе. – Мне очень жаль, что я забыла хоть одну вещь, которая может доставить удовольствие Маргарите; но я не виновата, что…

Иеклейн не дослушал ее и подошел к кухонной двери, чтобы посмотреть, кто в зале.

– Фу, – заворчал он, – скоты, как они шумят! Воняет табаком, пивом, водкой!.. Наши гости не вынесут этого; надо всех их вытурить!..

– Зачем? – робко спросила Марианна.

Он пожал плечами.

– Маргарита и ее матушка захотят отдохнуть, – сказал он, – а этот шум хоть кому надоест!

Марианна посмотрела на него с удивлением. Ничто так не противоречило привычкам Иеклейна, как эти слова его. Он никогда не решился бы возбудить неудовольствие своих обыкновенных посетителей из-за того, чтобы не беспокоить заезжих дворян: напротив, когда приезжали господа, он обыкновенно старался подзадорить товарищей и заставить их шуметь вдвое.

– Если дворяне, что остановились наверху, недовольны, – говорил он в таких случаях, – так пусть ищут другую гостиницу. Слава Богу, Яков Рорбах обойдется и без их червонцев!

Удивленный взгляд невесты как будто смутил трактирщика.

– Неужели ты не видишь, что они пьяны, – сказала она с досадой, указывая на семь или восемь крестьян, которые; усевшись вокруг стола, вели самый оживленный разговор.

За другим столом, стоявшим в самом темном углу залы, сидело двое людей, одетых в купеческое или мещанское платье. Нахлобучив на глаза шляпы с широкими полями, они уселись так, что лиц их нельзя было разглядеть, и говорили шепотом. Наконец, в противоположном углу, сидел крестьянин за бутылкой вина. Он сидел, опершись локтями на стол; голова его лежала на руке, и черты его лица невозможно было рассмотреть.

Иеклейн недоумевал, не зная, что делать. Один из крестьян сказал в это время тихо, поднимая свой стакан:

– За возрождение Башмака, друзья, каково бы ни было его новое имя!

Башмак было название первого восстания крестьян против дворянства. Его назвали так, потому что в то время крестьяне имели право носить только башмаки тогда как сапоги и ботинки считались исключительно дворянской обувью.

Иеклейн не расслышал слов старого крестьянина, но очень ясно слышал заявление сочувствия его товарищей, которые подняли крик и застучали стаканами по столу.

– Вы слишком шумите, друзья, – сказал трактирщик, подходя к ним.

– Кто заплатил деньги, – отвечал один из пивших.

– Тот и пей, а стучать не приходится! – перебил Иеклейн, мгновенно выходя из себя.

– У твоего отца слух был что-то не так нежен, любезный друг, – пробормотали другие крестьяне.

– Отец поступал по-своему, а я делаю по-своему. К тому же поздно, вам всем далеко идти, и я советую вам отправиться в путь.

– Поставь-ка нам еще две бутылочки этого дешевенького рюдейсгеймера.

– Нет, я жду приезжих, и вам пора отправляться.

– Мы уйдем, когда захотим, – отвечал несколько подпивший крестьянин. – Ведь у тебя трактир? Стало быть, когда честно расплачиваются…

– Вот новости, – заговорили другие, – мы имеем право оставаться здесь, сколько нам будет угодно, под самым твоим носом, дружок Иеклейн!

– Ну, а я вам говорю, что я здесь хозяин, и что вы сейчас отсюда уйдете! – вскричал взбешенный Иеклейн.

– Не ты ли нас вытолкаешь? – спросил толстый крестьянин, весом по меньшей мере в двести фунтов и по-видимому чрезвычайно сильный.

– Да я, – сказал Иеклейн, – и начну с тебя любезный друг. Отвори дверь, Гертруда, – крикнул он служанке, которая повиновалась, дрожа всем телом.

Марианна хотела вступиться, но это еще больше разозлило Иеклейна.

Как только дверь была отворена, он повторил крестьянам свою просьбу удалиться. Они отвечали ругательствами и шуточками, которые окончательно

вывели трактирщика из терпения. Он бросился на толстого крестьянина, который поддразнивал его, и схватил его за шиворот и за пояс панталон; потом, несмотря на отчаянное сопротивление, он поднял его, дотащил до двери и выкинул на улицу.

В свалке Иеклейн получил несколько пинков, а казакин его украсился несколькими прорехами.

По-видимому Иеклейн очень заботился сегодня о своем наряде, потому что тотчас попросил Марианну зашить разодранный рукав.

– А ты, Франц, – обратился он к своему лакею, – выпроводи остальных, кто в зале.

– Подожди минутку, я сама пойду к ним, – сказала Марианна, которая имела полное основание не доверять дипломатическим талантам Франца.

– Ты слышал, что я сказал? – продолжал Иеклейн.

– Слышал, сударь, – отвечал слуга с приторной улыбкой.

Вместо того чтобы последовать наставлениям Марианны, которая приказала ему быть повежливее с путешественниками, он нашел, что самое лучшее – еще более усилить дерзкий тон своего хозяина. При первых же словах, которые он произнес, старший из путешественников – ему было на вид, по меньшей мере, пятьдесят лет – бросил на него такой взгляд, что Франц совсем смутился. Другой незнакомец засмеялся, и товарищ его последовал его примеру.

– Эту залу наняли, – сказал взбешенный Франц. – Убирайтесь вон!

– Кто ее нанял? – спросил один из незнакомцев.

– Она нанята для госпожи Гейерсберг и ее свиты. Незнакомцы переглянулись.

– Нам невозможно уехать без ужина, – возразил старший. – В этом углу мы никого не обеспокоим. Дайте нам есть.

– Нет, – настаивал Франц, которому было дело только до барского приказа. – Хозяин велел вас выпроводить, и вы уйдете.

Старый незнакомец, которого его товарищ звал Вальдемаром Шлоссером, снова улыбнулся со спокойной насмешкой, и это довело Франца до ярости.

– Ну что же? – спросил Иеклейн издали.

– Вставай, – сказал Франц, положив руку на плечо старого купца.

Тот выпрямился во весь рост и, сверкая глазами, так сильно оттолкнул слугу, что он упал в противоположном углу залы.

Франц уцепился за чан с горячей водой, которая была приготовлена для мытья полов, и упал в него. Голова, ноги и руки одни только избежали этой неожиданной ванны. К счастью на нем были надеты толстые суконные панталоны, и потому он не очень обварился.

Франц очень живо выскочил из купели и подошел к незнакомцу со стиснутыми кулаками.

– Берегись, любезный друг! – сказал ему путешественник спокойно. – Тут недалеко прекрасная лужа, и на этот раз ты уж возьмешь полную ванну.

Эта угроза остановила Франца. Его трусость разозлила Иеклейна, который подошел к купцам.

Несмотря на свою всем известную смелость, трактирщик, не уважавший никаких властей, даже самого бургомистра, не выдержал спокойного и гордого взгляда старого незнакомца.

– Эй, приятели! – вскричал он. – Вы не слышали, что мой слуга сказал вам?

– Отлично слышали, – отвечал один из путешественников.

– Так расплачивайтесь и уходите!

– Мы хотим есть.

– У меня ничего нет для вас.

– Клянусь моим патроном – это неправда! Желательно мне знать, что значит этот запах из кухни, и зачем там жарится такая чудесная козлятина?

– Все это уже откуплено.

– Да, все, все, – подтвердил Франц, прятавшийся за своего господина.

– Кроме котла с водой, надеюсь, – сказал Вальдемар, смеясь.

Несмотря на лета этого человека, его лицо, серьезное и строгое, когда он задумывался, принимало подчас веселое и приветливое выражение, которое придавало ему особенную прелесть.

Укрощенный этой улыбкой, но слишком упрямый, чтобы отказаться от своей мысли, Иеклейн собирался повторить незнакомцам свое приглашение удалиться, но Вальдемар сказал ему таким же добродушным тоном:

– Любезный хозяин, если госпожа Гейерсберг хорошая христианка – в чем я не сомневаюсь – она не пожелает, чтобы из-за нее двое бедных купцов, как мы с кумом, провели ночь на дворе и с тощим желудком.

Иеклейн начал настаивать и опять разозлился. Хотел ли он прибегнуть к насилию, имел ли он намерение напугать купцов – только он схватил длинный меч, висевший над камином.

Один из путешественников тоже начинал сердиться. Он уже выхватил было свой безмерно длинный охотничий нож, который был у него спрятан под платьем, но товарищ сказал ему на ухо несколько слов, которые заставили его призадуматься.

– И в самом деле, – пробормотал он, – что мне за дело до дерзостей этого чудака? Клянусь моим патроном, – сказал он вслух, обращаясь к Иеклейну, – у вас, молодой хозяин, странный способ привлекать к себе в трактир посетителей.

Повесьте на место этот старый меч, который, вероятно, помнит времена Карла Великого, и соблаговолите нас выслушать. Нас с кумом пригласила сюда госпожа Гейерсберг.

– Вас? – пробормотал Иеклейн, глядя на них с недоверием.

– Да, нас.

– А доказательство?

– Вот оно, – отвечал Вальдемар, вынимая из кармана письмо, которое он развернул. – Вы знаете ее печать?

– Разумеется!

– Ну, так потрудитесь взглянуть на эту бумагу.

Это была действительно печать госпожи Гейерсберг.

Иеклейну ужасно хотелось заглянуть в письмо, но купец так сложил его, что трактирщик мог видеть только подпись и печать.

– Дьявол вас задери! – вскричал разозленный Иеклейн. – Зачем вы мне не сказали раньше?

– Да вы нам не дали слова сказать. Что же касается вашего посланника, то сомнительно, хватило ли бы у него ума понять наши объяснения.

Хотя купец говорил совершенно добродушно, но в его тоне было что-то насмешливое и в то же время полное достоинства, и это невольно смущало трактирщика. Боязнь оскорбить госпожу фон Гейерсберг мешала ему наговорить дерзостей, что он, конечно, сделал бы во всяком другом случае, и потому Иеклейн отошел от них и отправился к мужику, который пил один на другом конце залы и спокойно смотрел на это происшествие.

Уткнув нос в стену и нахлобучив шапку на глаза, этот крестьянин по-видимому не хотел показывать своего лица.

Обрадованный, найдя на ком выместить свою досаду, Иеклейн хлопнул его по плечу и грубо сказал, чтобы он убирался.

Крестьянин не отвечал. Он только отодвинул свою скамью и посмотрел на Иеклейна в упор.

– Конрад, – пробормотал тот. – Конрад!

– Молчи же, – сказал тот, надвигая шапку, как бы опасаясь быть узнанным купцами, к которым сидел спиной.

– Когда ты вернулся?

– Вчера; я побывал во всех окрестных кружках и нашел везде братьев, готовых помогать нам. А ты что скажешь, Иеклейн? Можно ли еще считать тебя членом бедного Конрада?

– Я все тот же, – отвечал Иеклейн, избегая пристального взгляда крестьянина.

– Неужели? Ну, я чуть-чуть было не усомнился в этом. Черт возьми! Братец, ты странно доказываешь расположение крестьянам, – прибавил он, показывая, как будто бьет кого-нибудь палкой.

– Всякий себе господин, – сказал Иеклейн. – Я имел полное право прогнать гуляк, которые беспокоили меня шумом.

– Скажи-ка, Иеклейн, хороша госпожа Маргарита фон Эдельсгейм, воспитанница госпожи фон Гейерсберг?

– Ну… да… да, – пробормотал видимо смущенный Иеклейн. – К чему эти расспросы?

Конрад посмотрел на него подозрительно.

– Да так, – отвечал он наконец. – Впрочем, я не за тем пришел сюда, чтобы толковать о таких пустяках. Выслушай меня: теперь кое-кто из наших, из наших

главных начальников, собрались у Вильгельма.

– У Фридриха Вильгельма?

– Да, ведь его дом рядом с твоим. Мы рассчитывали собраться у тебя, но я вижу, что об этом и толковать нечего. Братья хотят поговорить с тобой и узнать, какую молодежь ты навербовал.

– Сегодня я не могу отлучиться… Завтра…

– Завтра мы все разойдемся и будем продолжать свое дело.

– Я совершенно окончил свое, – сказал Иеклейн, – вся наша молодежь готова восстать со мной.

– Так иди.

– Приду потом!

– Я забыл сказать, что Сара хочет что-то сообщить тебе о том, что тебе, кажется, дороже свободы родины!

– Что такое?

– Чего же ты покраснел? Значит, догадался?

– Стало быть, и черная колдунья тоже вернулась?

– Да, уже дня три. Узнав от Вильгельма, что ты ожидаешь госпожу фон Гейерсберг и прекрасную Маргариту, она сказала, что хочет немедленно переговорить с тобой. Кажется, твой соперник вернулся.

– Мой соперник! – вскричал Иеклейн, и глаза его засверкали. – Мой соперник!

– О, дурак, дурак! – проворчал крестьянин. – Хочет любить благородную барышню и удивляется, что у него нашелся соперник!

– Кто тебе сказал, что я люблю благородную барышню? Это ложь!

– Ложь? Так, стало быть, ты изучать архитектуру ходишь около замка и беспрестанно носишь хозяйке самую лучшую рыбу, самую вкусную дичь и самые сочные плоды в долине?

– Это моя кузина Марианна посылает благородным дамам подарки, в знак признательности за их доброту к ней.

– Не она ли также просит тебя относить эти подарки? Ах, бедная, бедная Марианна, а как она тебя любит!

– Довольно! – резко прервал трактирщик. – Не люблю я, чтобы совались в мои дела, и если б не ты, а кто другой вздумал говорить так…

– Так что?

– Я бы убил его, – отвечал Иеклейн глухим голосом. – Да, убил бы! Есть минуты, когда убил бы родного брата, если бы он мог залезть в мою душу… Я знаю, что ты скромен и умеешь давать хорошие советы, Конрад, но ты слишком любишь трунить. Если хочешь, чтобы мы остались друзьями, не говори со мной об известном предмете, не то, клянусь тебе всеми дьяволами преисподней, ты дорого поплатишься за свои слова!

– Пойдешь ты со мной или нет? – спросил Конрад спокойно.

– Кто тебе сказал, что я шляюсь около замка?

– Сара.

– Почем она знает?

– Мало ли что она знает!

– Она мне скажет, – сказал Иеклейн, взявшись за шляпу и заткнув за свой кожаный пояс охотничий нож.

– Куда же ты? – спросила Марианна, удивленная, что он уходит в то время, когда гости должны приехать.

– Я ухожу на минуту с ним. Через четверть часа я буду здесь.

– Несчастная Германия, – проворчал Конрад, выходя вслед за пылким юношей. – Не легко браться за твое освобождение с такими начальниками! Но когда Бог покровительствует делу, оно удается, несмотря ни на что.

Из всего рассказанного видно, что Иеклейн Рорбах был не слишком-то любезным трактирщиком. Немалым счастьем для «Золотого Солнца» было, что его хозяин проводил три четверти дня вне дома. Марианна, постоянно старавшаяся, сколько возможно, поправлять глупости своего брата, поспешила подойти к путешественникам. Подойдя к ним, под предлогом, чтобы спросить, не нужно ли им чего-нибудь, она сделала все возможное, чтобы загладить впечатление выходки Иеклейна.

– Оставим все это, – сказал путешественник, называвшийся Вальдемаром Шлоссером, – у вас, моя красотка, такие ласковые глазки и такая приветливая улыбка, что на вашу гостиницу невозможно сердиться. Вы, кажется, ожидаете благородную даму, которая, очень любима в округе?

Говоря это, он встал и отвел Марианну в сторону, так чтобы его товарищ не мог слышать их разговора.

– О, да, сударь… И она вполне этого стоит, клянусь вам. Она благодетельница бедных и несчастных. Если б вы знали, сколько добра делают госпожа фон Гейерсберг и госпожа Маргарита… Я это знаю лучше всех: ведь я прожила у них больше восьми лет.

– Как так?

– Мой отец был в услужении у господина фон Гейерсберга. Когда я осталась сиротой, госпожа фон Гейерсберг взяла меня в замок и воспитала при себе.

– Она, кажется, очень богата?

– Не так-то богата, как следовало бы. Ее муж был, как и она, слишком добр и доверчив. Он попался в руки мошенников, которые стакнулись с его управляющим и украли у него значительную долю состояния. В настоящее время госпожа фон Гейерсберг ведет процесс с одним из этих плутов; если она проиграет, ей придется продать часть своих земель.

– У нее, кажется, двое детей?

– Один только сын, рыцарь Флориан. Он также добр, как его мать, и также храбр, как отец. Вот уже два года, как он уехал воевать с турками и говорят, что он там прославился. Его ждут назад со дня на день.

– Так госпожа Маргарита не дочь госпожи фон Гейерсберг?

– Нет, господин, это дочь ее кузины, которая умерла в чужих краях; будь Маргарита родной дочерью госпожи фон Гейерсберг, она не могла бы любить ее нежнее, чем теперь.

– Вы, кажется, очень к ним привязаны?

– О, да! – вскричала она с чувством. – Я бы охотно умерла за госпожу Гейерсберг и госпожу Маргариту.

Едва она договорила, как старый купец, которого этот разговор по-видимому особенно интересовал, быстро повернулся к своему товарищу. Он поймал пристальный взгляд Георга, устремленный на Марианну с очевидным намерением.

Вальдемар слегка нахмурил брови и отошел на несколько шагов. Он уже собирался предложить молодой девушке еще несколько вопросов, но ей пришлось уйти от него навстречу незнакомцу, который только что вошел.

На вошедшем был старый кожаный кафтан, а сверху куртка из грубого сукна, довольно широкая и стянутая в талии широким поясом из желтой кожи, на котором висел длинный меч и охотничий нож. Весь этот наряд и длинные сапоги из бурой кожи были покрыты пылью и доказывали бедность.

Вновь пришедший был, вероятно, из числа тех искателей приключений, которые так часто встречались в то время и предлагали свои услуги владетелям, достаточно богатым, чтобы содержать их.

– Оглохли вы что ли, в этом трактире? – сказал он тоном, выражавшим в то же время и природное добродушие, и мгновенную вспышку нетерпения. – Вот уже четверть часа, как я стучусь, и никто мне не отворяет и не берет у меня лошадь, Я уже хотел ее вести с собой сюда.

При звуке этого голоса, не похожего на грубый голос наемного солдата, Георг, младший из купцов, привстал с удивлением со скамьи.

– Что там такое? – спросил старый купец.

– Ничего, государь, ничего, господин, – быстро продолжал он, видя, что его товарищ сдвинул брови при слове «государь».

Но в то же время он не спускал глаз с вошедшего.

Пока оба купца переговаривались между собой, Марианна объясняла всаднику, что не может приютить его на эту ночь.

Говоря это, она всматривалась в лицо незнакомца, как будто стараясь разъяснить какое то сомнение. Всадник заметил это и, оборотясь спиной к купцам, приподнял капюшон, мешавший различить его черты.

Тогда Марианна увидела прекрасное лицо с благородными и правильными чертами, со светло-голубыми, замечательно блестящими и выразительными глазами, с ослепительно белыми зубами, придававшими особенную прелесть улыбке рыцаря.

Молодая девушка вдруг остановилась среди начатой фразы.

– Господин граф… – прошептала она.

– Молчи! – сказал он ей торопливо. – Не называй меня по имени… Если бы кто-нибудь узнал, что я здесь, мне прямо из этого трактира пришлось бы идти на

плаху.

Марианна в ужасе всплеснула руками.

– Да обо мне-то нечего говорить, – продолжал он. – Будем говорить о ней, о той, кого я буду любить до последней минуты. Правда ли, что Маргарита приедет сегодня вечером?

– Кто вам это сказал, господин граф? – спросила Марианна, по-видимому чрезвычайно смущенная.

– Я знал, что участь Маргариты должна скоро решиться, потому что в этом месяце ей минет восемнадцать лет. Я не мог свыкнуться с мыслью, что в это время буду далеко от нее. Я вернулся с опасностью для жизни. Мне захотелось еще раз взглянуть на нее, сказать ей, что я все еще люблю ее, спросить, продолжает ли она любить меня? Два дня я бродил вокруг Гейерсберга и не видал Маргариту. Наконец один крестьянин, которого я посылал расспросить прислугу, сказал мне, что обе дамы уехали в Вюрцбург по делам госпожи фон Гейерсберг, и что на обратном пути они будут ночевать в твоем трактире. Я поспешил сюда. Теперь ты узнала меня, Марианна, и неужели ты, наша кроткая и верная поверенная, прикажешь мне уезжать.

– К несчастью, господин, мне иначе нельзя! – прошептала она. – Я здесь не хозяйка, а мой брат запретил мне принимать сегодня кого бы то ни было.

– Убей меня Бог, если я уйду отсюда! – сказал он решительно. – В настоящую минуту мой кошелек очень отощал, но все равно. Скажи брату, что я готов заплатить сколько угодно за последний угол в этом трактире. Я не пожалею последнего червонца, не пожалею продать свое оружие, лишь бы увидеть Маргариту!

– Я боюсь, что госпожа Маргарита не захочет говорить с вами, господин граф. Она так сердита на вас! Как же можно было уехать, не предупредив и не объяснив ей причины вашего отъезда?

– Я написал ей три длинных письма.

– Она не получила ни одного, господин граф, а то она, конечно, сказала бы мне об этом.

– Клянусь тебе, я писал ей! – вскричал он с таким выражением, в искренности которого нельзя было усомниться.

– Я верю вам, господин граф; но это двухлетнее отсутствие…

– О! Марианна, если б ты знала, какая роковая судьба тяготеет надо мной!.. Если б ты знала, как много я выстрадал вдали от нее!

– Госпожа Маргарита также много плакала, господин граф, – промолвила молодая девушка тоном упрека.

– О, увидеть ее еще раз, увидеть ее на минутку, – сказал рыцарь, – увидеть, как радость засветится в ее чудесных глазах, поклясться ей на коленях, что она всегда была моей единственной мечтой!.. Не выгоняй меня отсюда до приезда Маргариты, Марианна, не то я подумаю, что ты уже не такая добрая и сострадательная, как прежде, и что ты не знаешь, что значит любить!

– Я слишком хорошо знаю это, – сказала, она с грустной улыбкой, – но что же мне делать? Как только мой брат вернется, он выпроводит вас волей-неволей!

– Это мы еще посмотрим! – промолвил дворянин, хватаясь за меч.

– Ради Бога, господин граф, не прибегайте к насилию; мой двоюродный брат – жених мой; я люблю его, и его жизнь мне дороже собственной.

– Ну, – продолжал граф с жаром, – предположи на минуту, что вы были два года в разлуке, и что тебе пришлось бы уехать, не повидавшись с ним: каково бы тебе было? Как бы ты страдала?

– Правда, – проговорила девушка, будто про себя, – госпожа Маргарита тоже сильно страдает.

– Пожалей нас, Марианна. Возьми этот перстень и позволь мне остаться…

– Нет, – резко перебила молодая девушка, отталкивая руку рыцаря, – нет, господин граф, оставьте этот перстень у себя. Все, что я сделаю, будет сделано из любви к госпоже Маргарите и потому, что я не могу видеть ваше горе.

– Добрая Марианна!

– Слушайте, господин граф, выйдите отсюда, как будто вы не могли добиться ночлега в нашем трактире… Где вы оставили свою лошадь?

– У ворот во дворе; она привязана к столбу.

– Хорошо. Отведите ее в поле, всего в двух шагах отсюда, первый поворот направо со двора. Посередине стоит большой сарай, где стоят сохи и тачки; оставьте там вашу лошадь. Потом приходите сюда; но возвращайтесь не через крыльцо, а по маленькой каменной лестнице, которая выходит во двор и ведет в первый этаж. Там вы найдете мою комнату, вот вам ключ от нее. Запритесь и ждите. Если госпожа Маргарита захочет и будет в состоянии говорить с вами, я приду вам сказать.

– Как я тебе благодарен, Марианна! – сказал рыцарь с чувством.

– И в самом деле, есть за что, – проговорила она, – потому что я Бог знает чему подвергаюсь для госпожи Маргариты и для вас! Ну, хорошо ли вы поняли мои наставления?

– Да, но для большей безопасности повтори мне их.

Она повиновалась.

– Уходите поскорее, – сказала она, – я боюсь, чтобы Иеклейн не застал вас здесь. Сохрани вас Бог, господин граф.

– Так как вы не хотите дать мне ночлега, я ухожу, – сказал он, возвышая голос так, чтобы слышали оба купца и служанки. – Что это за люди? – спросил он тихонько Марианну, которая провожала его до дверей. – Вот они остаются.

– Им надо переговорить с госпожой фон Гейерсберг, которая приказала им придти сюда. Это купцы, так они по крайней мере называют себя; но я нахожу, что они не похожи на купцов.

– Кажется, я где-то видел одно из этих лиц, – пробормотал граф.

– Тем скорее вам следует удалиться, господин граф.

– Твоя правда. Скажи госпоже Маргарите, что я люблю ее всей душой, и что, если она не захочет видеться со мной, я этого не переживу…

Марианна затворила дверь за графом.

Он прошел так называемые сени, о которых мы говорили, и вышел во двор. Была ночь, и темнота показалась молодому человеку тем непроницаемей, что он только что вышел из освещенной комнаты.

Он взял лошадь за узду и повел ее по указанию Марианны. Потом он вернулся в трактир, снова перешел двор и вошел в первый этаж по лесенке, ведшей в комнату молодой трактирщицы.

Он осторожно поднялся по лестнице и вошел в комнату Марианны. Он запер дверь на ключ и стал у окна в ту самую минуту, когда госпожа фон Гейерсберг и ее свита подъезжали к трактиру.

Пока вся прислуга «Золотого Солнца» суетилась вокруг благородных дам, Георг подошел к своему товарищу. Последний казался чрезвычайно взволнованным и раздосадованным, что за ним наблюдают.

– Извините, что я вас беспокою, господин, – сказал Георг заискивающим тоном, – но, если не ошибаюсь, этот рыцарь, который только что вышел, никто иной как граф Людвиг фон Гельфенштейн.

– Людвиг фон Гельфенштейн! – повторил старик, как бы припоминая. – Людвиг фон Гельфенштейн! – проговорил он еще раз, но уже гневным голосом, достаточно доказывавшим, что воспоминания, вызванные этим именем, были не из числа приятных. – Как? Неужели этот изменник осмелился вернуться сюда?

– Если я дам знать бекингенскому и гейльбронскому бургомистрам, – сказал Георг, – быть может найдется возможность поймать его и расследовать дело.

– Твоя правда, – сказал Вальдемар. – Ступай к бургомистру. Возьми с собой наших людей, на подмогу страже, и пусть возьмут этого негодяя. Если иначе нельзя, то назови себя, но меня не называй ни в коем случае. Я хочу, чтобы пока мое присутствие в Бекингене оставалось неизвестным.

Едва он договорил эти слова, дверь отворилась, и госпожа фон Гейерсберг вошла со своей приемной дочерью.

Георг встал в самый темный угол, дал им пройти, потом поспешно вышел.

II

При первом-взгляде на баронессу Матильду фон Гейерсберг, всякого поражали в ней две черты: достоинство в походке и осанке и редкая доброта в улыбке и во взгляде.

Она была выше среднего роста. Ее спокойные, правильные, быть может, несколько строгие черты, принимали снисходительное и приветливое выражение, едва она начинала говорить. В ее ласковом, медленном голосе, в ее взгляде была какая-то повелительная убедительность, которой она была обязана природной нежности своего сердца и власти, принадлежавшей ей почти без ее ведома, благодаря привязанности и уважению всех, кто ее знал.

Хотя ей было никак не больше сорока восьми лет, волосы ее уже совсем поседели. Эти серебристые волосы представляли довольно поразительный, но не, лишенный прелести контраст с молодым еще лицом Матильды, а главное с блеском ее больших темных глаз.

Хотя Маргарита нисколько не была ей родня, – что мы сейчас увидим, – молодая девушка была отчасти похожа на свою приемную мать.

Она была очень хороша, очевидно лучше, чем могла быть когда бы то ни было госпожа фон Гейерсберг. В ее походке, в ее манерах, в выражении ее голоса, было то же самое грациозное и целомудренное достоинство, которым отличалась ее покровительница.

Ее прекрасные белокурые волосы окаймляли, точно золотая рамка, чистый, белый лоб.

Лазурь ее глаз напоминала цвет небес в темный летний вечер. Нижняя губа, несколько выдвигавшаяся из-под верхней, придавала подчас молодой девушке выражение высокомерия, но его опровергали чрезвычайно ласковые взгляд и улыбка.

Испытывая, как и все другие, чувство уважения при виде величественного образа госпожи фон Гейерсберг и поддаваясь глубокому обожанию, которое внушала ей ее покровительница, Марианна хотела опуститься на колени перед своей благодетельницей. Та быстро подняла ее и поцеловала в лоб почти с материнской нежностью.

Забывая расстояние, отделявшее знатную девушку от скромной трактирщицы, Маргарита дружески обняла подругу своих игр и уроков.

Повинуясь непреодолимому влечению, старый купец встал и подошел к обеим женщинам; не сводя глаз с Маргариты, он смотрел на нее с восторгом и таким глубоким волнением, что это поразило госпожу фон Гейерсберг.

– Кто это? – спросила она Марианну.

– Какой-то купец, сударыня, – отвечала девушка. – Он сказал, что вы ему назначили здесь свидание.

Выражение тягостного изумления пробежало по лицу госпожи фон Гейерсберг.

«Как! – прошептала она. – Неужели простой купец? О, нет, это невозможно!..»

Она знаком подозвала Шлоссера и ласково отпустила от себя Марианну, которая поспешила к Маргарите.

Купец подошел с изящным, почтительным поклоном, в котором сказывался дворянин; этот поклон не ускользнул от внимания госпожи фон Гейерсберг.

– Правда ли, любезнейший, что я звала вас сюда? – спросила она, внимательно рассматривая его.

Да, сударыня, и вот письмо, которого вы меня удостоили, и к которому было приложено другое письмо, написанное очень дорогой рукой, давно уже покрытой холодом смерти.

– Это так, – сказала госпожа фон Гейерсберг, узнавшая свой почерк, – но каким образом это письмо попало в ваши руки?

– Потому что оно было адресовано на имя рыцаря Герарда фон Брука, а рыцарь Герард фон Брук – я.

– Но к чему же этот купеческий костюм, который так странно противоречит вашим изящным манерам…

– Это маска, сударыня!

Госпожа фон Гейерсберг почувствовала облегчение и вздохнула.

– Потрудитесь идти за мной в ту комнату, – сказала она мнимому купцу, указывая ему на соседнюю с большой залой комнату. – Мы там поговорим свободнее.

Он сделал движение, будто хотел подать руку госпоже фон Гейнсберг, но тотчас поправился и только снова поклонился.

Как только они вошли в маленькую гостиную, как только Вальдемар запер дверь, он взял стул и сел возле госпожи фон Гейерсберг.

– Эта молодая девушка, которая с вами, – сказал он взволнованным голосом, – дочь моя… не правда ли?

Госпожа фон Гейерсберг колебалась.

– Не бойтесь ничего, – сказал он ей. – Я тот самый человек, который обожал вашу несчастную подругу, и которому она отдала и сердце, и жизнь. О, не отвечайте! Я чувствую что-то, что говорит мне, что эта прекрасная и благородная девушка – то самое дитя, которое я считал навсегда потерянным для себя, и о существовании которого я только теперь узнал из письма Эдвиги. Маргарита похожа на вас обеих, как будто Богу было угодно соединить в ней ваши черты, как он соединил ваши сердца.

– Да, это точно дочь Эдвиги, – проговорила наконец госпожа фон Гейерсберг, тронутая искренним волнением Герарда.

– Как же случилось, что бедное дитя избежало рук барона и попало к вам?

Тогда госпожа фон Гейерсберг рассказала ему следующее, прибавляя к этому некоторые подробности, которые мы опускаем, как лишние:

Когда Филипп, паж госпожи фон Риттмарк, спускался по веревке со своей драгоценной ношей, по нему выстрелили. Опасно раненый, он выпустил веревку и вместе с кормилицей упал в глубокую воду широких рвов замка.

Запутавшись в свое платье и, вероятно, не умея плавать, Марта утонула. Филиппу удалось выплыть и вылезти на берег. У рва стояло несколько оседланных лошадей. Он вскочил на одну из них и, продолжая держать ребенка на руках, ускакал.

Отъехав от Риттмарка на несколько миль, он остановился, чтобы кое-как перевязать свою рану; он однако сделал это, не слезая с лошади, потому что чувствовал, что у него не хватит сил снова сесть в седло. Потом он поехал дальше.

На другой день утром, работник, отправлявшийся в замой Гейерсберг, рассказал с испуганным видом, что недалеко от парка он видел труп пажа, возле которого лежала маленькая девочка, полумертвая от ужаса и холода.

Госпожа фон Гейерсберг тотчас собрала нескольких слуг и отправилась на место, указанное работником, который, в своем глупом страхе, не подумал унести ребенка.

Паж еще не умер, как думал работники, но был при смерти.

Вероятно, когда он слезал с лошади, выехав в парк, повязка сдвинулась с его раны; ночной холод и утомление окончательно истощили последние силы, еще поддерживавшие бедного мальчика. Он умер в тот же день, несмотря ни на какие пособия.

Маргарита была очень больна, но это был крепкий и здоровый ребенок, скоро пересиливший болезнь.

В пакете, который госпожа фон Гейерсберг получила от пажа, было три письма.

На одном было написано: «Дочери моей Маргарите. Пусть она вскроет это только в тот день, когда ей исполнится 18 лет».

Второе было адресовано рыцарю Герарду фон Бруку, в Аугсбург, в гостиницу «Черного Орла».

Наконец, третье было на имя госпожи фон Гейерсберг.

Госпожа фон Риттмарк сознавалась ей в своем проступке и открывала ей тайну рождения Маргариты.

«Я имею много причин думать, что настоящее имя Герарда не то, которое он носит, – писала несчастная женщина. – Он сам почти признался мне в этом, но умолял меня не расспрашивать его об этом. Я убеждена, что у него нет никакой позорной причины скрываться, а между тем его таинственность страшит меня за Маргариту. Впрочем, кто знает? Быть может, в ту минуту, когда я к тебе пишу, Герард сам погиб в засаде, которую ему уготовили!

Если Бог будет милосерден ко мне, и ты согласишься воспитывать Маргариту, умоляю тебя – оставь ее при себе до 18 лет и не выдавай ее замуж раньше этого срока.

В эти годы она будет в состоянии отличить хорошее от дурного и, с помощью твоих советов, решится на что-нибудь.

За месяц до того дня, когда ей минет 18 лет, я прошу тебя отослать это письмо Герарду фон Бруку. Он сказал мне, что если мое письмо будет отправлено к нему по этому адресу хоть через 10 лет, он получит его.

Если можно, я желала бы, чтобы он увидел свою дочь за несколько дней до ее восемнадцатилетия; это дало бы ему возможность подумать, что можно для нее сделать. Так как все-таки не надо подавать бедной Маргарите надежды, которые могли бы привести к жестокому разочарованию, я желала бы, чтобы она не знала, что видит перед собой отца. Все это будет очень трудно, я знаю, но делай все, как знаешь, и веди к лучшему. Посылая Герарду мое письмо, ты могла бы назначить ему свидание».

Кроме того в письме были различные указания и рассказ о событиях, которые нам уже известны.

«Доверяю тебе то, что мне дороже в мире, – писала Эдвига в заключении, – единственную надежду, которая до сих пор поддерживала мою печальную жизнь. Через несколько часов я предстану перед Богом: простит ли он мой проступок во имя всех моих страданий? Он один знал мою жизнь. Он один видел мои слезы раскаяния, и те горькие слезы, которые я проливала в тот день, когда поклялась никогда больше не видеть Герарда. Моли за меня Бога, мой благородный, святой друг; молись особенно за мою дочь. Проси Бога, чтобы она походила на тебя, и люби ее так же сильно, как любила твоего несчастного друга.

Эдвига».

Госпожа фон Гейерсберг во всей точности соблюдала просьбы госпожи фон Риттмарк.

Она сделала для своего старого друга то, чего, конечно, никогда не решилась бы сделать лично для себя, то есть решилась на ложь и выдавала всем Маргариту

за дочь своей двоюродной сестры.

Госпожа фон Гейерсберг оставила Маргариту при себе и воспитывала ее у себя на глазах. Редкое дитя было предметом таких нежных, а главное, таких умных забот.

Быть может, ни одна женщина не могла бы так горько скорбеть в глубине души о проступке госпожи фон Риттмарк, как Матильда; но никто не мог бы делать столько усилий, чтобы оправдать своего друга, никто, главное, не мог бы заботиться с такой нежностью и преданностью о маленькой сироте, которую Бог послал ей.

Госпожа фон Гейерсберг не выказала всего этого рыцарю, но то волнение, с которым она говорила о маленькой Маргарите и об Эдвиге, показывало, до какой степени она любила дочь своего друга.

Все сердце ее сказывалось в ее взгляде, когда она говорила о Маргарите.

Глубоко растроганный преданностью госпожи фон Гейерсберг, рыцарь поблагодарил ее с увлечением.

– Да благословит вас Бог за вашу святую доброту! – вскричал он. – И да вознаградит Он вас, потому что Он один может вознаградить вас достойным образом.

– Какого лучшего вознаграждения могу я желать кроме привязанности этого дорогого ребенка! С тех пор, как Бог привел ее ко мне, ока меня только утешала. Что же касается вас, сударь, если вы думаете, что обязаны мне чем-нибудь, то вы имеете средство отблагодарить меня.

– Как же?

– Оставьте у меня Маргариту. Я так привыкла видеть ее при себе, что часто горько плакала, думая о той минуте, когда вы возьмете ее к себе.

– Вы предупреждаете мое самое задушевное желание, – сказал рыцарь. – Мое положение… которое вы узнаете в последствии… не позволяет мне взять

Маргариту к себе. Для меня будет великим счастьем знать, что она до своей свадьбы будет у вас.

– Быть может, даже и после свадьбы, если бы вы согласились на тот план, об исполнении которого я каждый день молю Бога.

– Какой же это план, сударыня?

– У меня есть сын. Хотя ему только двадцать три года, он уже приобрел себе репутацию храброго рыцаря.

– Это правда, – прервал Герард. – Флориан фон Гейерсберг прославился не по летам не только храбростью, но честностью, умом и военными дарованиями.

– Не правда ли, сударь? – переспросила госпожа фон Гейерсберг, счастливая и гордая похвалами сыну. – А если б вы знали, как он добр, нежен, предан! Видя его рядом с Маргаритой, я столько раз говорила себе, что Бог точно создал их друг для друга.

– Стало быть, – спросил рыцарь, – вы согласились бы на их брак?

– Это самое заветное мое желание!

– Вы согласились бы, чтобы ваш сын женился на сироте без состояния и без имени?

– От всего сердца, мессир, и день этого брака, который соединил бы два самых дорогих мне существа, был бы самым счастливым днем в моей жизни.

– Вы чудная душа, – промолвил растроганный рыцарь. – Что касается до меня, я соглашаюсь на этот союз с благодарностью и радостью. А сын ваш?

– Он любит Маргариту, мессир, и любит давно. Вот уже скоро четыре года, как я заметила эту любовь. Маргарите было тогда пятнадцать лет, а Флориану шел двадцатый год. Если бы Маргарита была свободна, я ни на минуту не задумалась бы, но предписание бедной Эдвиги было слишком однозначно. По ее письму Маргарита не должна была располагать собой раньше восемнадцати лет и без

согласия своего отца. Я позвала Флориана в свою комнату и рассказала ему все. «Маргарита доверена моей чести, – сказала я ему. – С твоей стороны было бы бесчестно воспользоваться ее молодостью, овладеть ее сердцем и внушить ей любовь к себе, любовь, которую отец ее, может быть, не потерпит». Флориан вздохнул, но сознался, что я права. Через несколько дней он опять пришел ко мне.

«Матушка, – сказал он мне, – я чувствую, что у меня не хватит сил оставаться с Маргаритой и не высказать ей, что я ее люблю. Я ежеминутно боюсь изменить себе. Мне лучше уехать. Граф фон Цолнер, главнокомандующий христианской армии, посланной против турков, был другом моего отца; я отправлюсь к нему и попрошу его доставить мне возможность заслужить рыцарские шпоры. Если Бог благословит меня, я настолько прославлю свое имя, что отец Маргариты, кто бы он ни был, не постыдиться назвать меня своим зятем».

– Честная душа! Достойный сын своей матери, – пробормотал рыцарь. – И вы отпустили его? – спросил он.

– Одному Богу известно, сколько слез и страданий это мне стоило! – отвечала она, проводя платком по влажным глазам. – Но для дворянина есть нечто более священное, чем слезы матери: это честь! Долг требовал, чтобы Флориан удалился, и я первая настаивала на его отъезде. Это мой единственный сын, мессир! Не стану говорить вам, сколько я выстрадала за время его отсутствия. Но, слава Богу, мои мучения подходят к концу. Война кончилась, и Флориан в дороге: он скоро вернется ко мне.

– А Маргарита? – спросил рыцарь.

– Маргарита была еще ребенком, когда Флориан уехал от нас. Я, впрочем, – думаю, что она тоже любила его, потому что не прошло и года с его отъезда, как она стала грустить и задумываться. Благородные соседние владетели пробовали ухаживать за ней. Она всех их отвергала. Она любит – в этом я убеждена, и я не вижу, кого другого, кроме Флориана, она могла бы любить.

– Спрашивали ли вы ее о причине ее грусти?

– Да, но она всегда избегала ответа. Я заметила, что это ее огорчает, и перестала расспрашивать.

– Я понимаю ее скрытность, – сказал рыцарь. – Бедная сирота без имени – она, вероятно, считала преступлением мечтать о браке с наследником Гейерсбергов.

– Я так и думала. Несколько раз я была готова высказать ей всю правду, но я думала, что если в последствии наши мечты будут разрушены волей ее отца, то лучше и не укреплять их в душе Маргариты.

– Вы поступили как осторожная и умная женщина, – сказал он, – и эти дети будут обязаны вам своим счастьем. О, если бы моя бедная Эдвига могла видеть все это!

Пока госпожа фон Гейерсберг вела такой разговор с рыцарем Герардом, Маргарита пошла к Марианне.

– Пойдем же в мою комнату, поболтаем с тобой, – сказала она ей.

Как только молодые девушки вошли в комнату, Марианна тщательно затворила дверь; Маргарита взяла свою бывшую подругу за обе руки и дружески спросила ее, счастлива ли она в своем новом положении.

– Да, конечно, сударыня, – отвечала Марианна, подавляя вздох.

– Ты говоришь это как-то не совсем искренно. Пожалуйста, будь со мной откровенна!

– Не знаю, счастливая ли я, – продолжала Марианна, – но я могу вам поклясться в одном, что не оставлю этого трактира, хоть давайте мне золотые горы!

– Я думаю скорее, что ты не оставишь владельца этого трактира? – сказала Маргарита весело. – Так ты по-прежнему любишь своего двоюродного брата?

– О да, и я чувствую, что всегда буду любить его. – Когда же ваша свадьба?

– Не знаю, – сказала Марианна, и лицо ее приняло грустное выражение.

– Да ведь она должна была быть в нынешнем году?

– Да… но…

– Но что же?

– Иеклейн все еще не назначил день, а я сама не смею заговорить об этом.

– Можно подумать, что ты его боишься.

– Я всего больше боюсь рассердить его… Я так люблю его!..

Маргарита сдвинула свои хорошенькие брови.

– Это дурно с его стороны, очень дурно, – проговорила она. – А к тебе он не изменился?

– Он все такой же, да, да, – прошептала молодая девушка с такой нерешительностью, которая не укрылась от беспокойного взгляда ее подруги.

– Ты меня обманываешь, – сказала Маргарита, сильно сжимая руку молодой девушки, которая потупила глаза. – Ты обманываешь меня, Марианна; кому же ты можешь довериться? Разве я-то тебе не все доверяла? Милая моя, не плачь и говори мне правду: Иеклейн изменился к тебе, не правда ли? Я так и думала!

– Почему же?

– Мне говорили об этом, – сказала Маргарита с оттенком замешательства. – Мне говорили, что он страшно вспыльчив и не умеет ценить сокровища которое Бог ему послал.

– Не судите его слишком строго, сударыня, – живо прервала Марианна, – Иеклейн вспыльчив, но у него доброе сердце… Он такой смелый и красивый!

Маргарита хотела было отвечать, но остановилась.

– Я не хочу огорчать тебя, не хочу дурно говорить о том, кого ты любишь, – продолжала она, – но скажи мне откровенно, думаешь ли ты, что будешь с ним

счастлива?

– Не знаю, – отвечала Марианна. – Но хорошо знаю только то, что предпочитаю быть несчастлива с ним, чем счастлива с другим.

Проговорив это, она не могла сдержать свои слезы, Маргарита нежно привлекла ее к себе, и Марианна припала головой к плечу своего друга.

– Вы, верно, считаете меня очень глупой? – пробормотала Марианна.

– К несчастью, моя бедная Марианна, я не имею права обвинять тебя, – ответила Маргарита, – потому что моя глупость еще хуже твоей. Ты, по крайней мере любишь человека, который должен жениться на тебе, который тут, возле тебя, которого ты видишь каждый день… А я все еще помню того, кого, вероятно, никогда больше не увижу, и который своим поведением заслужил только мое презрение и ненависть!

– Стало быть, сударыня, вы еще любите графа Людвига?

– К несчастью, Марианна. В этом я могу признаться только тебе одной, тебе, нашей верной поверенной, снисходительному свидетелю наших свиданий. Ты знаешь, как я плакала, когда, не сказав мне ни слова, не уведомив меня о своем отъезде, он перестал приходить на место наших обычных свиданий и окончательно пропал. Ты знаешь, как я клялась забыть неблагодарного, который даже и не подумал написать строки на прощание и в объяснение той, которая так любила его! Ну, Марианна, это были напрасные слезы, напрасные клятвы! Когда я одна, я все думаю о нем, только о нем; мне чудится, что он опять стоит передо мной на коленях, клянется мне в любви… Он говорил ведь это так искренно! Подчас мне думается, что он не мог оставить меня таким образом, что с ним случилось что-нибудь, какое-нибудь ужасное несчастье… и тогда я не знаю, чего мне желать: чтобы он умер, оставаясь верным мне, или, чтобы жил для другой женщины.

Последние слова были заглушены рыданиями.

Марианна не могла устоять против этого горя.

– Граф жив, – сказала она, крепко сжимая обе руки Маргариты. – Он жив, и любит вас по-прежнему.

– Ты видела его? – вскричала Маргарита, бледнея от волнения.

– Да, сударыня!

– Где он? Что он говорил тебе?

– Он в Бекингене.

– Быть может в этом доме?

– Ну да, он сказал мне, что рискует жизнью, чтобы еще раз увидеть вас, и что не уедет, не поговорив с вами.

– Но что же значило его отсутствие, это необъяснимое молчание?

– Граф здесь, сударыня, одна только комната отделает его от нас. Отпереть ему?

– Нет, нет, – промолвила Маргарита, – я не должна его видеть. При том, может ли он оправдать свое поведение? Нет, не надо!

Но выражение радости, ярко засветившееся в ее глазах, но ее дрожащий и взволнованный голос так ясно отвечали «да», что для Марианны не было сомнений.

Однако она еще не решалась.

– А что, если он не виноват? – продолжала Маргарита, будто про себя, и ее умоляющий взгляд досказал ее мысль.

Потом, застыдившись своей слабости, она закрыла обеими руками свое заплаканное лицо.

В это время Марианна побежала отпереть дверь, соединявшую обе комнаты. Она хотела пройти через вторую комнату, чтобы войти туда, где должен был быть граф Людвиг, но она еще не успела сделать и двух шагов, как граф бросился к ногам Маргариты.

Молодая девушка вскрикнула, и в этом крике к удивлению примешивалось столько разнообразных чувств, что не было возможности уловить преобладающее.

– Я был в соседней комнате и все слышал! – вскричал он. – О, благодарю Маргарита, благодарю, что ты не разлюбила меня несмотря на то, что все говорило против меня!

– Это нечестно, граф! – вскричала Маргарита, смущенная, что выдала свою тайну. – Впрочем, вы ошибаетесь, я не говорила…

– О, умоляю вас, – перебил Людвиг умоляющим и глубоко взволнованным голосом, – умоляю вас Маргарита, не отнимайте у меня единственного светлого луча, который освещает мою печальную жизнь! Я очень несчастлив, Маргарита, так несчастлив, что, клянусь вам, я постарался бы как можно скорее покончить со своей жизнью, если бы вы отняли у меня вашу любовь. Клянусь небом, злая и не заслуженная судьба отняла у меня честь, состояние и угрожает моей жизни, Маргарита. Приезжая сюда, я знал, что рискую головой… И тем не менее я здесь.

– Какая неосторожность! – вскричала Маргарита. – Уезжайте, уезжайте скорее!

– Я слишком много выстрадал вдали от вас; теперь у меня не хватает духа удалиться!

– Однако два года назад у вас на это стало духа, – промолвила Маргарита в грустном раздумье.

– К несчастью это было необходимо, клянусь вам! Опоздай я часом – враги схватили бы меня.

– По крайней мере вы могли бы написать мне.

– Я это и делал.

– Как? Вы писали ко мне?

– Несколько раз.

– Я не получала ни одного письма. Куда же они девались, Боже мой! – вскричала Маргарита тревожно. – С кем вы посылали их ко мне?

– Первые я посылал со своим слугой, Иоганном, честным малым, на верность которого я мог смело положиться. Он клал их в дупло старого дуба, в конце вашего парка, как мы, бывало, делали в более счастливое время.

– Я каждый день осматривала это дерево; никогда я в нем ничего не находила.

– Два раза Иоганн возвращался ко мне без всякого ответа, хотя долго поджидал его. В третий раз он вовсе не вернулся.

– Что же с ним случилось?

– Бог его знает! Я сперва думал, что ему надоело следовать за таким, как я, и что он покинул меня. Теперь же я боюсь, не убили ли моего верного слугу.

– Дай Бог, чтобы это было одно предположение! – сказала Маргарита, сложив руки. – А другие письма?

– Я посылал их с разными посланными. Одни должны были, как Иоганн, класть их в известное место. Другим было приказано всеми силами стараться дойти до вас.

– Ну, и что же?

– Ну, одни возвращались без всякого ответа, другие вовсе не возвращались.

– Боже мой! Боже мой! – промолвила Маргарита. – Что все это значит? Кто же мог стараться разлучить нас?

– Не падает ли ваше подозрение на кого-нибудь из рыцарей, которые ухаживали за вами, и которых вы отвергли?

– Нет, между ними нет никого, – повторила она, после минутного размышления. – Никто из рыцарей, обращавших на меня внимание, не мог бы решиться на такое подлое и гнусное дело!

– Если Иоганн не вернулся ко мне, значит его убили! – возразил граф.

– Постойте, – сказала она, – я припоминаю: год назад… нет… меньше, но почти год… в ноябре… в парке нашли следы крови… да, возле стены, и недалеко от старого дуба. Стали разыскивать, но садовник объявил, что это лисица заела тут какую-нибудь птицу.

– Мой бедный Иоганн! – промолвил граф. – Он как раз в ноябре пустился в то путешествие, из которого не возвратился. Я ему сказал, что он непременно должен поговорить с вами и отдать вам письмо из рук в Руки. Он, вероятно, поджидал вас в парке, и какой-нибудь убийца… О, мой добрый, мой верный слуга, кто бы тебя не убил – горе ему!

– Я помню еще, – продолжала Маргарита, – что два или три раза я замечала крестьян, следивших за мной с особенным вниманием. Сначала я думала, что это просто зеваки, которых так много в деревне, или какие-нибудь бедняки, выжидавшие моего ухода, чтобы стащить какое-нибудь полено или связку колосьев… Теперь я убеждена, что это были шпионы.

– Вероятно, – сказал граф.

– Но однако, с какой же целью могли следить за мной? – продолжала она. – У меня ведь нет врагов! Но ваши враги, Людвиг, которые преследуют вас своей ненавистью, неужели вы думаете, что им нужно…

– Увы, я их не знаю, – прервал граф с отчаянием, ударяя себя в лоб. – То-то и ужасно в моей судьбе. Вот уже четыре года, как меня преследует таинственная ненависть, которая сначала угрожала моей жизни, а потом чести. Но я вижу только результаты этой ненависти, а доискаться ее причины не могу.

– Кто заставляет вас бежать, скрываться? Кого вы оскорбили? В каком преступлении вас обвиняют?

Граф колебался. Глубокая тоска выразилась на его лице.

– Не спрашивайте у меня этого, – сказал он наконец, – потому что я вам этого не могу сказать. Это ужасное преступление… О, Маргарита, клянусь вам небом, которое над нами, Богом, который нас видит и судит, моим вечным спасением, нашей чистой и святой любовью – клянусь вам, я невиновен!

Эти слова, вырвавшиеся из груди графа, были, действительно, криком истины. Если бы даже Маргарита и не любила его, она не могла бы сомневаться в искренности его энергичного признания.

– Бог свидетель, что я никогда не сомневалась в вас в этом отношении, друг мой. С первого дня, когда я увидела вас, когда мы с Марианной нашли вас утром в крови, возле мельницы, на лужайке, могли ли вы заметить когда-нибудь, что я в вас сомневалась, Людвиг?

– Нет, нет! – вскричал он. – О, я как сейчас вижу, как вы обе остановились передо мной, вижу, как вы обтирали кровь с моего лица и перевязали мои раны. Помню и то, как вы потом чуть не каждый день ходили ко мне в избушку старой Лисбеты… С каким нетерпением я ожидал вашего прихода! Как я радовался когда слышал ваши шаги! Какой это был восторг когда ваша рука касалась моего лба, чтобы узнать, есть ли у меня жар! Вы меня приняли, ходили за мной, как за братом, а между тем вы и имени моего даже не знали. С каким восторгом я вспоминаю, как я вышел первый раз в парк, вечером, как я опирался на вашу руку, как вы говорили со мной ласковым, милым тоном! О, Маргарита, мой добрый ангел, честная доверчивая душа, как я вас люблю, как вы мне дороги!

– Правда ли это? – нежно прошептала молодая девушка. – Правда ли это?

– Клянусь вам всем святым!

– Я тоже очень вас люблю, верьте мне, друг мой! Только сила моей любви могла заставить меня скрывать нашу тайну от моей благодетельницы, от моей второй матери. Как часто мне приходилось краснеть, когда она говорила о моей откровенности! Сколько ночей я проплакала, как меня мучила совесть!

– О, не произносите этого слова, Маргарита! За что могла мучить вас совесть? Ваше наивное доверие, ваша ангельская чистота охраняли вас лучше, чем материнская бдительность… Пусть только настанет благословенный день, когда я буду в состоянии поднять голову и просить вашей руки у госпожи фон Гейерсберг, и вы увидите, что изо всего того, что происходило между нами, вам не придется скрыть от нее ни одного часа, проведенного со мной; ни один из наших разговоров не заставит вас покраснеть.

– Правда, Людвиг, вот за что я вас люблю… О, если бы вы знали, как я страдала, как я плакала в течение двух лет вашего отсутствия! В глубине души, однако, я все-таки надеялась. Мне казалось, что если бы вы полюбили другую, Бог сжалился бы надо мной и взял бы меня к себе.

– Любить другую! – вскричал Людвиг с жаром. – О, нет, Маргарита! Вы одна дали мне понять, что такое любовь! Я люблю только вас, и никогда не любил никого другого…

– А Зильду Марианни? – вдруг произнес какой-то голос со странным выражением.

Маргарита и Людвиг быстро оглянулись. Марианна, караулившая дверь на крыльцо, тоже оглянулась. Возле влюбленных стояла высокая женщина, закутанная в длинный, черный плащ. Капюшон из той же материи, как плащ, почти совершенно скрывал ее лицо. Что-то вроде черной маски, очень тонкой и плотно прилегавшей к коже, охватывал ее черты, но делал их совершенно неузнаваемыми.

– Черная колдунья! – вскричали в один голос Маргарита и Марианна, опускаясь на колени; они была тем более испуганы этим явлением, что не могли понять, каким образом вошла черная колдунья.

Граф инстинктивно схватился за меч.

В это время всякий храбрый рыцарь охотнее встретился бы на дороге с десятью разбойниками, чем с одной колдуньей или колдуном.

– Что нужно этой женщине? – вскричал граф угрожающим тоном, подходя к Саре, которая не двигалась с места.

– Что нужно этой женщине? – медленно повторила колдунья. – Ей нужно, во-первых, не допустить эту молодую девушку поверить любовным клятвам, которые скоро будут забыты, подобно многим другим.

– Никогда! – вскричал граф.

– А что ты говорил Зильде Марианни?

– Лжешь! Никогда ни одна женщина не внушала мне той святой и глубокой любви, которую я чувствую к Маргарите.

– Осмелишься ли ты поручиться честью рыцаря, что никогда не клялся ни одной женщине в любви?

Граф колебался.

На лице Маргариты выразилось тяжелое страдание, и в глазах ее блеснули слезы.

– Проклятая колдунья! – вскричал Людвиг с яростью. – Зачем ты сюда пришла? Избавь нас немедленно от твоего гнусного присутствия, или, клянусь тебе Богом, я отправлю тебя в ад, в объятия твоего патрона!

– Побереги свой гнев и свои угрозы для врагов! – спокойно отвечала колдунья. – Вложи меч в ножны. Хоть люди и очень неблагодарны, но, может быть, ты все-таки раскаялся бы, что так дурно отблагодарил женщину, которая пришла спасти тебя.

– Меня спасти?

– Да, тебя! Когда ты входил в этот трактир, кто-то узнал тебя и пошел объявить бургомистру и страже которая ожидала в полумиле отсюда. Трактир уже оцеплен… Слушай: слышишь ли конский топот и звон оружия?

– Да, да, – вскричала Маргарита, – бегите, Людвиг, бегите!

Он с отчаянием махнул рукой.

– Ну, хорошо, – вскричал граф, уступая мольбам молодой девушки, – но прежде скажите мне, Маргарита, позволите ли вы мне опять повидаться с вами и оправдаться в ваших глазах?

– Никогда! – сказала она решительно.

– Хорошо, – глухо проговорил граф. – Я остаюсь!

– Я слышу шаги солдат, – сказала Марианна.

– Ну, что ж? Пусть идут! Лучше умереть, чем жить, как я!

– Да, – сказала колдунья, – да, я поняла бы, если б ты отступил перед смертью на ратном поле. Эта смерть – славная смерть, она оставляет по себе добрую память; но подумал ли ты о той смерти, которая грозит тебе здесь?

– Подумал, – отвечал граф. – Неужели ты думаешь, что я стану ждать этой смерти? Клянусь, что они не возьмут меня живого!

– Людвиг, Людвиг, бегите ради Бога! Бегите! – говорила Маргарита, у которой кровь застыла в жилах.

– Увижу ли я вас?

– Никогда!

– Я остаюсь.

– Ну, хорошо, да! Только бегите!

Марианна, смотревшая на двор из окна своей комнаты, быстро вернулась к ним.

– Все пропало! – проговорила она. – Солдаты стоят на маленькой лестнице и во дворе.

В ту же минуту послышались тяжелые шаги нескольких человек, поднимавшихся по лестнице. Они остановились на площадке.

По указу колдуньи, две другие женщины и Людвиг скрылись в средней комнате.

Ты видишь, что бегство для тебя невозможно, – сказала колдунья графу. – В настоящую минуту враги твои обшаривают комнаты по ту сторону лестницы. Через минуту они будут здесь; ты окружен ими. Одна я могу спасти тебя.

– Каким образом?

– Увидишь. Но я сделаю это с условием.

– С каким?

– Поклянись, что ты навсегда откажешься от Маргариты.

– Скорее умру! – вскричал граф с таким страстным и решительным выражением, что взволнованная Маргарита готовы была броситься к нему.

В эту минуту раздался стук в двери первой комнаты.

– Отворите, отворите! – кричал грубый голос.

– Слышишь? – проговорила тихо колдунья, обращаясь к неподвижно замершему графу. – Жизнь или смерть – выбирай!

– Жить для нее или умереть! – отвечал Людвиг, не спуская глаз с Маргариты.

Колдунья в бессильном гневе начала ломать руки, но выражения ее лица нельзя было видеть под маской.

– Отворите же! – послышалось снова у дверей. Маргарита и Марианна бросились на колени перед Людвигом, умоляя его дать обещание, которого требовала колдунья.

– Нет, – сказал он с грустной улыбкой, поднимая их, – Слово дворянина должно быть священно, и я не могу обещать того, чего не могу и не хочу исполнить.

– Довольно, – проговорила Сара, с усилием сдерживая свой гнев. – Я вижу, что должна быть благоразумнее тебя, и спасу тебя, несмотря на твое упрямство. Дай мне только одно обещание, которое тебе не трудно будет исполнить. Поклянись мне, что через девять дней ты придешь ко мне.

– Где тебя найти?

– В моей хижине, на большом болоте. Каждый из здешних крестьян покажет тебе туда дорогу.

– Хорошо, приду.

В эту минуту вооруженные люди, поднявшиеся по малой лестнице, начали также стучаться в дверь комнаты Марианны.

– Идите обе к дверям и под каким-нибудь предлогом уговорите солдат подождать одну минуту.

Марианна подбежала к двери, своей комнаты; Маргарита отправилась к двери, выходившей на главную лестницу. Когда они возвратились после разговора с солдатами, Людвига уже не было.

– Он спасен, – сказала Сара девушкам, смотревшим на нее со страхом и удивлением. – Послушайте, Маргарита, – продолжала он, – если любовь ваша истинна, если вы в состоянии пожертвовать ею для спасения его жизни – откажитесь от него навсегда. Вы молоды, прекрасны, богаты и уважаемы. Есть много других блестящих рыцарей, из которых каждый будет счастлив получить вашу руку. Обещайте мне забыть графа Людвига, и я вам клянусь, что все несчастья его скоро прекратятся.

– Как это может случиться? – спросила Маргарита.

– Что вам до этого?.. Отвечайте скорее, торопитесь! Глядите, дверь скоро уступит их усилиям… Участь графа Людвига в ваших руках: решайте, должен ли

он умереть или достигнуть такого высокого положения, о каком только возможно мечтать человеку. Выбирайте!

Маргарита колебалась. В то время как она хотела что-то ответить, дверь, выходившая на главную лестницу, сорванная с петель усилиями солдат, упала с ужасным шумом. Вскрикнув от испуга, Маргарита и Марианна, закрыли лица руками.

В тоже время и дверь, выходившая в другую комнату, уступила в свою очередь. Солдаты устремились с обеих сторон в комнату, где находились молодые девушки, которые, подняв головы, инстинктивно искали глазами колдунью.

Но ее уже не было в комнате.

Девушки, сложив руки, с ужасом смотрели друг на друга. Наконец Маргарита, успокоившись насчет участи графа Людвига, выпрямилась с достоинством.

Она приблизилась к вооруженным людям, обыскавшим напрасно три комнаты, и гордо спросила их:

– По какому праву вошли вы сюда? Кто дал вам смелость ворваться силой в мою комнату?

– Благородная дама, – отвечал один из старых воинов, – мы повинуемся приказаниям, которые нам были даны; мы ищем рыцаря, о котором нам сказали, что он здесь.

– Но теперь, когда вы уже убедились, что его здесь нет, – возразила Маргарита, – удалитесь!

В эту минуту Герард, в сопровождении баронессы Гейерсберг, показался на пороге. Увидев его, начальник отряда приведен был в сильнейшее изумление и, по знаку, которым ему повелевалось удалиться и хранить молчание, вышел со своей удивленной стражей.

III

Жители Бекингена не знали, что и думать обо всем этом. Они с удивлением переглядывались и спрашивали друг друга, что это за купец, который владеет оружием не хуже любого окрестного рыцаря, и которого так почтительно встречают войска.

Между тем Вальдемар, или вернее, Герард, приблизился к Маргарите, которая уже обнимала баронессу Гейерсберг.

– Надеюсь, сударыня, что вы уже оправились от испуга? – сказал купец, взяв руку молодой девушки.

Удивленная этой фамильярностью, Маргарита быстро отдернула руку, смотря попеременно то на Герарда, то на баронессу Гейерсберг, которая ее удивляла своим равнодушием к поступку незнакомца.

– Не следует судить о людях по их одежде, – возразил улыбаясь, Герард. – Может быть я и не то, чем кажусь. Я имею более, нежели вы думаете, права сжимать вашу руку. Я друг вашего отца, благородная дама.

– Вы знаете моего отца? – вскричала Маргарита.

– Баронесса Гейерсберг может вас в этом уверить. Баронесса сделала утвердительный знак. Потом, повинуясь немой просьбе Герарда, она отошла и стала разговаривать с Марианной.

– Неужели же я никогда не увижу отца? – грустно спросила Маргарита.

– Нет, дитя мое, увидите… Простите, что я так вас называю, – заговорил он живо, – лета мои позволяют мне так называть вас, и ваш отец первый позволил бы мне это. Он любит вас, хоть и не знает; главное желание его увидеть и назвать вас дочерью.

– Но отчего же он не идет ко мне?

– Увы! Он сам в этом не волен.

– Ну так пусть напишет мне. Я сама пойду к нему.

– Великодушное дитя! О, как бы он был счастлив, увидев вас такой прекрасной и достойной его любви.

– Умоляю вас, скажите мне, когда я его увижу? Баронесса Гейерсберг – ангел доброты, и я ее люблю всей душой; но, мне кажется, так приятно обнять отца! Как он мог, однако, так долго не подумать обо мне?

– Он думал, что вы умерли. Опасаясь за вас и за себя мщения жестокого врага, ваша мать просила баронессу Гейерсберг скрыть ваше рождение от всего света. Даже ваш отец должен был узнать об этом только за несколько дней до вашего восемнадцатого дня рождения. Через несколько дней вам будет восемнадцать лет. Вы получите письмо от вашей матери, и из него узнаете печальную тайну вашего рождения. А ваш отец считал вас навсегда погибшей, и только теперь узнал, что вы живы. Ему нельзя было самому придти на свидание, по назначению баронессы, и он просил меня придти вместо него. Но, честное слово дворянина, через несколько дней он придет к вам и будет горд и счастлив возможностью объявить во всеуслышание, что вы его любимая дочь.

– Да услышит вас небо, мессир, и да наградит оно вас за ваши добрые слова! – проговорило глубоко взволнованная Маргарита.

Не менее растроганный старик нежно привлек ее к себе и запечатлел отеческий поцелуй на челе молодой девушки, которая теперь уже не сопротивлялась.

В эту минуту кто-то отворил дверь, которая вела на большую лестницу.

Это был поспешно вошедший Иеклейн. Увидев Маргариту в объятиях мнимого купца, он остановился в сильном изумлении.

Бледнея от гнева и волнения, он схватился за кинжал и с таким угрожающим видом сделал шаг к Герарду, что Марианна бросилась к нему.

– Вот наконец-то и ты, – сказала она. – Если бы знал, что здесь случилось…

– Что это за человек? – спросил Иеклейн, указывая своей двоюродной сестре на Герарда, который почтительно раскланивался с обеими женщинами, прощаясь с ними. – Отвечай, отвечай же скорее!

Тон его голоса был так резок и нетерпелив, что бедная Марианна, в смущении, не могла удержать своих слез.

– Что это за человек? – повторил Иеклейн, не сводя глаз со старика.

– Я полагаю, что это друг семейства Маргариты – отвечала Марианна, делая напрасные усилия, чтобы успокоиться.

Ее изменившийся голос поразил Иеклейна, который посмотрел на нее наконец и заметил слезы на глазах бедной девушки.

– О чем ты плачешь? – спросил он ее, едва сдерживая свое нетерпение.

– Так, ничего…

– Ну, говори же!

– Ты говоришь со мной так неласково, – прошептала она. – Между тем, я делаю все на свете, чтобы тебе понравиться, а ты…

– Перестань, не плачь же, – прервал ее Иеклейн нетерпеливо, но с нежностью. – Правда, я иногда бываю груб и суров, но это у меня в характере; я не могу перемениться.

– Ну, молодые люди, когда же свадьба? – спросила, подходя, баронесса Гейерсберг, знавшая Иеклейна, когда еще он был мальчиком и приходил на двор замка играть с Флорианом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/de-bre_al-fred/doch-imperatora

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити